

Кристоффер
Карлссон

Смерть

перед

Рождеством

Лео Юнкер

Кристоффер Карлссон
Смерть перед Рождеством

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

Карлссон К.

Смерть перед Рождеством / К. Карлссон — «Эксмо»,
2014 — (Лео Юнкер)

ISBN 978-5-04-098599-9

«Несмотря на свою молодость, Карлссону удалось создать роман, читающийся запоем и прекрасно написанный. В нем есть что-то и от Стига Ларссона, и от Йенса Лapidуса, и от Ю Несбё – но гораздо больше от самого Кристоффера Карлссона». Лейф Г.В. Перссон «Отлично написанный роман, дающий второе дыхание жанру нуар». The Spectator «Роман Карлссона сочетает в себе хороший, крепкий сюжет и мощное его изложение». The Times «Нервный, тревожащий и очень умный детектив». Dagens Nyheter Для любителей скандинавского нуара в духе Стига Ларссона и Ю Несбё! Кристоффер Карлссон – талантливый ученый-специалист в области психологии преступности. В 26 лет он стал доктором наук в области криминологии. И при этом – автор популярнейших детективов, которые читают более чем в 20 странах мира. Стокгольм перед Рождеством. Предчувствие праздника. Оживление в магазинах. Улыбки прохожих. Улицы засыпаны легким снежком, искрящимся в свете множества разноцветных фонариков. А на нем... мертвое тело Томаса Хебера, известного ученого-социолога. И в спине у него – глубокая ножевая рана. Над ним стоит офицер полиции Лео Юнкер. Он уже выяснил, что убийство произошло не с целью ограбления, и теперь со всей безысходностью предчувствует долгое и, скорее всего, безуспешное расследование. Вот такое «веселое» выдалось Рождество...

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-098599-9

© Карлссон К., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

I		7
	12/12	8
	13/12	23
	Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кристоффер Карлссон

Смерть перед Рождеством

Мелле, навсегда

Уиллард: Они называли вас сумасшедшим, а ваши методы – необоснованными.

Кури: Разве мои методы необоснованы?

*Уиллард: По правде говоря, я вообще не вижу никаких методов, сэр.
«Апокалипсис сегодня»*

© Боченкова О.Б., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Это случилось той зимой, когда бушевал шторм.

Погиб ученый. Его диктофон переходил в Стокгольме из рук в руки, осложняя жизнь каждому, к кому попадал. И еще той зимой разогнали демонстрацию, а два человека, некогда бывшие друзьями, встретились на детской площадке с качелями, где когда-то любили играть.

На дне озера Меларен покоился мобильник. Но если он и имел какое-либо отношение к делу, то лишь потому, что был брошен туда рукой преступника. В больнице умирал человек, и его последними словами были «Шовле» и «Эштер», что бы они ни значили. И все разъяснилось лишь потом, когда стало поздно. С самого начала шел обратный отсчет – к нулевой точке, к двадцать первому декабря.

История оказалась на редкость запутанной и странной, со временем с этим согласились все. Хотя было ли все так сложно на самом деле? Возможно, история, в сущности, была простой, даже банальной. Потому что однажды зимой один человек предал другого, и это стало началом конца.

Так или иначе, все, насколько нам известно, происходило так...

I
Who Comes Around On A Special Night*¹

¹ Кто бродит вокруг этой особенной ночью (из песенки о Санта-Клаусе, *англ.*).

12/12

Только одно можно утверждать с полной уверенностью: город лежит объятый страхом. Теперь он показал свое испуганное лицо, в этом я не сомневаюсь. Это можно почувствовать, прослушав его пульс – слабое, ритмичное тикание. Нервы его напряжены, он стал непредсказуем. Превратился в медленно угасающую лампу. И никто ничего не замечает и не думает об этом.

На церковной башне бьют часы. В ночи медленно падают снежные хлопья. Прозрачные, они отливают серебром в холодном свете уличных фонарей. В ночном клубе неподалеку гудит бас: *I wish it could be Christmas every day*², а потом за углом взвизгивают тормоза. Как видно, водитель упал грудью на сигнальный рожок.

Вопят сирены – вот такая выдалась ночь.

* * *

Один из переулков, отходящих от Дёбельнсгатан, отличается особенной теснотой. Достаточно развести руки, чтобы нащупать по обе стороны от себя потертые кирпичные стены. Поэтому там всегда темно. В центре города дома особенно высокие, и редко когда покрытый трещинами асфальт ласкают лучи холодного солнца.

Этот переулок выходит на задний двор, где вдоль стен выстроились зеленые мусорные контейнеры. И на всем лежит тонкий слой снега. Попав сюда, ты словно оказываешься на дне колодца. Подняв голову, можно было увидеть заключенный в квадрат кусочек хмурого неба.

Женщина в голубом комбинезоне натягивает посреди двора большой белый тент. Под ним на спине лежит мужчина в темно-серых джинсах и черных ботинках. Из-под расстегнутого воротника его пальто выбивается вязаный шарф. Белые лучи прожекторов светят на него с четырех сторон. Поодаль валяется раскрытый рюкзак «Фьельревен», рядом с ним – книга, визитка, пара теплых носков и связка ключей. Есть при мужчине и перчатки, они торчат из кармана его пальто.

На вид ему между тридцатью и сорока. Коротко стриженные темные волосы аккуратно уложены, угловатое лицо не брито несколько дней. Глаза закрыты, так что определить их цвет затруднительно. Хотя на данный момент это не имеет никакого значения.

* * *

Я жду в стороне от тента, держа руки в карманах куртки и энергично переступая ногами – скорее от холода, чем от нетерпения. В одном из окон светится красная рождественская звезда. Она большая, размером с автомобильную шину. И за ней время от времени мелькает мальчишеское лицо.

– И давно он так стоит?

Виктория Мауритцон разворачивается на корточках, одновременно открывая свою сумку.

– Кто?

Опасаясь вынимать руки из карманов, дергаю подбородком в сторону окна:

– Мальчик.

Мауритцон поднимает голову.

² Вот бы каждый день был Рождеством (англ.).

– Мальчик? – Щурится, ослепленная снегом и светом прожекторов. – Не знаю.

Она возвращается к работе. Достает камеру, настраивает ее и делает шестьдесят восемь снимков тела и всего, что вокруг него.

Пространство озаряют голубые вспышки. Поодаль ветер треплет сине-белую оградительную ленту. Время от времени мимо проходят люди. Некоторые глазят в надежде увидеть что-нибудь интересное, снимают на мобильный.

Мауритцон убирает камеру и вкладывает покойнику в ухо цифровой термометр.

– Совсем свежий, – объявляет она.

– Насколько свежий?

– Час назад, возможно, меньше. Но полной уверенности у меня нет. Метод неточный, это не более чем грубая оценка. Однако это все, чем я располагаю на этот момент.

– Как он умер?

– Без понятия.

Виктория вытаскивает термометр, записывает показания в свои бумаги.

– Он мертв – и это единственное, что я могу сейчас утверждать.

Пригнувшись, я ступаю под своды тента и присаживаюсь на корточки рядом с рюкзаком. Мауритцон протягивает мне латексные перчатки, и я неохотно вынимаю руки из карманов. В перчатках мои руки становятся белыми, как у мертвеца, а пальцы выглядят более вытянутыми и костлявыми, чем на самом деле.

Я чувствую, как к горлу подступает тошнота. По спине пробегает теплая волна, а потом меня прошибает холодный пот. Остается надеяться, что Мауритцон ничего не заметит.

– Довольно чистенький, – говорит она, кивая на мертвеца. – Не похож на тех, кого обычно находят в таких местах.

– Возможно, у него здесь была встреча... – Я поднимаю с земли черную визитку.

Из кожаных кармашков выглядывает идентификационное удостоверение, кредитка, что-то похожее на пропуск и белая карточка с голубой виньеткой и такой же витиеватой надписью «Стокгольмский университет». Я вытаскиваю идентификационное удостоверение и несколько раз глотаю, пытаясь подавить тошноту.

– Томас Маркус Хебер. – Сличаю лицо мертвеца с фотографией. – Да, похоже, это он. Семьдесят восьмого года рождения.

Записываю идентификационный номер с неприятным чувством, будто что-то краду у мертвого, и обращаюсь к другим предметам, разбросанным рядом с рюкзаком. Связка ключей свидетельствует лишь о том, что он не водил машину: один, очевидно, от его квартиры, другой от рабочего кабинета – трудно определить с ходу, – и третий велосипедный.

Теплые носки сухие, но ношенные, судя по запаху, какой чувствуешь, если сунуть нос в ботинок. Книга – роман Фреда Варгаса «Человек, рисующий синие круги», английский перевод. Обложка слегка потрепана, на одной из страниц загнут уголок. Я открываю ее. В глаза бросается фраза в самом верху страницы:

Can't think of anything to think³.

* * *

Некоторое время эта фраза крутится у меня в голове, а потом я закрываю книгу, кладу ее на место и поднимаюсь. Идет мой двенадцатый рабочий день после возвращения из вынужденного отпуска. И мое второе ночное дежурство.

³ Не могу думать ни о чем, о чем можно было бы думать (англ.).

Весь вопрос состоит в том, что я здесь делаю. Наш «убойный» отдел, ответственный за Сити и Норрмальм⁴, называют не иначе как «змеиной ямой». Здесь занимаются убийцами и убитыми, зарезанными и застреленными; женами, которые расправились со своими мужьями, и мужьями, которые разобрались с женами; а также торговцами оружием и наркотиками, не вполне мирными демонстрациями, маньяками, поджигателями и тому подобным. Все перечисленное и есть наша «змеиная яма». И вот теперь этот прилично одетый мужчина средних лет, умерший на заднем дворе, куда впадает один из отходивших от Дёбельнsgатан переулков. Ничего нельзя предугадать заранее.

Как я оказался на этом морозе, да еще под Новый год? До сих пор служба в полиции была мне заказана, особенно после того, что случилось в конце лета. Вероятно, все изменил тот разговор с психологом⁵.

Доктор был из тех, кто держится денежных клиентов, а я давно перестал быть таковым. Во время многочасовых сессий я то заливался слезами, то замыкался в непроницаемом молчании. Иногда курил, хотя это не было разрешено. Психолог глядел тоскливо, время от времени смотрелся в зеркало за моей спиной и проводил рукой по тщательно уложенным волосам.

– Так как там с этими таблетками? – спросил он. – С «Собрилом»?⁶

– Все хорошо, – отвечал я. – Отвыкаю помаленьку.

Его глаза загорелись.

– Отлично, Лео. – Он склонился над столом и что-то черкнул в своих бумагах. – Просто отлично, это большой прогресс...

Вскоре после этого доктору показалось, что я больше не нуждаюсь в его помощи. Последовал рутинный медицинский осмотр, в результате которого медики не нашли причин в дальнейшем не допускать меня до службы в правоохранительных органах. В свою очередь я не стал рассказывать им о мучивших меня кошмарных снах и галлюцинациях. О припадках, когда больше всего на свете хочется запустить стаканом в стену, расколотить стул или двинуть кому-нибудь в физиономию. Среди медиков не нашлось ни одного, кто спросил бы меня об этом. А если б кто и рискнул, я точно не открыл бы ему правды. В случае чего я и без того в любой момент мог бы получить освобождение от работы по состоянию здоровья, полицейскому это проще простого.

Мне казалось, что как следователь я умер. После того что произошло, в лучшем случае можно было рассчитывать на бумажную работу в отделе краж или преступлений против нравственности. Я ожидал быть загнанным в самый пыльный угол конторы, где вред от меня был бы минимален.

Судьба распорядилась иначе.

Я снова оказался в «змеиной яме», той самой, где когда-то начинал под руководством Левина. Управление полиции решило укрепить наш участок дополнительными штатными единицами – возможно, именно поэтому я и оказался здесь. Но мера была выбрана, мягко говоря, не самая эффективная. Слишком много шума и бестолковой суеты – вот что в лучшем случае получается из этого. Последнее ни для кого не секрет. Прежде всего для тех, кто хоть немного знаком с работой в «змеиной яме».

* * *

Итак, я беру латексные перчатки. Мальчик все еще стоит у окна, наполовину скрытый рождественской звездой. На вид ему лет шесть-семь. Большие глаза, темные кудрявые волосы.

⁴ Центральные районы Стокгольма.

⁵ Здесь и далее: о событиях недавнего прошлого Лео рассказывается в романе К. Карлссона «Невидимка из Салема».

⁶ «Собрил» – в Швеции торговая марка оксазепамы – препарата, назначаемого при неврозах.

Я поднимаю руку в знак приветствия и с удивлением вижу, что он, не меняясь в лице, делает то же самое.

- Кто-то должен поговорить с ним, – говорю я.
- С кем? – Мауритцон удивленно оборачивается.
- С парнем.
- Дойдет очередь и до него.

Мауритцон права. Уже стемнело, и окна, выходящие на задний двор, гаснут одно за другим. Некоторые загораются снова, потому что мои коллеги уже отправились в обход по квартирам. Я достаю из внутреннего кармана куртки таблетку – первую с начала смены. Она маленькая и круглая, как буква «О» на клавиатуре. Я люблю ее. При одной мысли о том, как я отправлю ее в рот, где она растворится, меня прошибает холодный пот. Я слишком хорошо знаю это чувство, когда тебя будто медленно завертывают в хлопковое одеяло и мир вокруг обретает правильные пропорции. Взвешиваю таблетку в руке и кладу обратно в карман. И тут же жалею, что не воспользовался ею.

- Где его мобильник? – спрашиваю я Мауритцон неожиданно низким, хриплым голосом.
- Погибшего? Ни малейшего понятия. Может, под ним?.. Вообще, надо бы его перевернуть. Хочу взглянуть на спину.

Она кивает двум помощникам в форме. Оба лет на десять меня моложе и дрожат, предположительно от холода. Мауритцон дает им латексные перчатки, и они помогают перевернуть тело так, чтобы она могла изучить его спину и заднюю поверхность ног.

Земля под телом Томаса Хеберса красно-бурого цвета. Кровь растопила снег, превратив его в коричневую жижу лилового оттенка.

- Все-таки крови на удивление мало, – замечаю я.
- Это мороз, – бормочет Мауритцон, продолжая разглядывать мокрую спину трупа. – Он ускорила отмирание функций организма. – Хмурится. – А вот это уже интересно...

В спине мужчины зияет колотая рана, примерно на уровне сердца.

- Нож? – спрашиваю я.
- Похоже на то.

Мауритцон поворачивается к помощникам:

- Верните его в прежнее положение.
- И позвоните Габриэлю Бирку, – добавляю я.
- Разве у него не выходной? – спрашивает один из молодых людей.
- Официально – да.
- Не может ли это в таком случае подождать до завтра?

Я поднимаю глаза от тела Томаса Хебера на помощника, ощущая очередной приступ тошноты. Пульс учащается. Страх, маленькое гадкое существо, поднявшееся вслед за мной на землю из преисподней, подбирается к самому сердцу.

- А сами-то как думаете? – отвечаю я помощнику. – Нам нужен руководитель следственной группы.

Парень оглядывается на своего товарища:

- Давай.
- Но он просил тебя, – отзывается тот.
- Действуйте...

Я чувствую, как вокруг меня сжимается пространство. Словно дома по периметру внутреннего двора движутся навстречу друг другу, грозя раздавить меня в лепешку.

Помощники вздыхают и удаляются. Мауритцон возвращается к своему обследованию. Из клуба доносится что-то вроде *oh, what a laugh it would have been if daddy had seen mommy kissing Santa Claus that night*⁷, и Мауритцон подпевает без слов.

* * *

Вероятно, эти звуки плюс мысли об алкоголе и вызывают у меня новый приступ. Пот хлещет буквально из каждой поры. Я задыхаюсь и спешу – насколько в состоянии перебирать ногами, – прочь от места преступления, в переулок и дальше, на Дёбельнгатан. Не знаю, как это выглядит со стороны, но я спотыкаюсь и жадно глотаю воздух. В глазах темнеет, и где-то между заградительной линией и трупом я валюсь на стену. Кирпич довольно холодный, но это лучше, чем на землю. Желудок выворачивает наизнанку. К горлу подступают непереваренные остатки хот-дога и кофе. И все это, смешавшись в однородную, дурно пахнущую жижу, вываливается на покрытый ледяной коркой снег с характерным булькающим звуком.

Колени обмякли, и я падаю. Холод быстро проникает сквозь джинсы. Невыносимый запах пота мутит сознание, дрожь накатывает волнами – кажется, жизнь кончена.

– Убийство – серьезное испытание, даже для людей закаленных, – слышу я голос одного из помощников.

Туман прорезает молния фотовспышки.

Я не сплю, просто глаза слезятся. Это все рвота. Голова идет кругом, в горле резь. Желудок...

Держась одной рукой за стену, а другой шаря во внутреннем кармане, я поднимаюсь. Такое со мной уже было, последний раз день или два назад. Неужели с тех пор прошло так много времени? Но мое падение глубже, я медленно опускаюсь внутрь себя.

Нет, это не Стокгольм парализовало страхом. Это не он затухает, как лампа. Это я.

* * *

На массивной холодной двери табличка «Тюрелль» над почтовой щелью. Я касаюсь звонка дрожащим указательным пальцем. Медлю. Что-то не так с этим мальчиком, который заставляет меня так нервничать.

Меня мутит, но «Собрил» начинает действовать, погружая во что-то невесомое и теплое. Ноги все еще ватные, пот высыхает, я чувствую, как моя кожа идет трещинами. Не успеваю я нажать кнопку, внутри начинается движение, будто они меня ждали. Щелчок замка – и дверь осторожно открывается.

Он маленький и тщедушный. С такими глубоко запавшими глазами, что кожа вокруг них кажется прозрачной.

– Я болен, – сообщает мальчик.

– Надеюсь, не смертельно?

– Воспаление легких. – Он говорит, будто каждое слово стоит ему невероятных усилий.

– Как тебя зовут?

– Йон. А тебя?

– Йон, – повторяю я. – Хорошее имя. А меня зовут Лео, и я полицейский. Родители дома?

– Папа уехал.

За его спиной появляется женщина моих лет, как будто спросонья. На ней что-то вроде пижамы с застиранным портретом Боба Дилана на груди.

⁷ «Вот бы смеху было, если б это видел папа» (*англ.*) – строка из песни «Я видела, как мама целовала Санта-Клауса» американской певицы Джессики Симпсон.

– Ты открыл, Йон? – спрашивает она, кладя руки на плечи мальчику. – О чем вы разговариваете?

– Понимаете... – Я смущен, но стараюсь взять себя в руки. – Я полицейский. Там, внизу, произошло нечто страшное, и, как мне кажется, Йон мог бы нам помочь. Мне хотелось бы поговорить с ним.

– Могу я взглянуть на ваше удостоверение?

Порывшись в кармане, протягиваю ей пластиковую карточку.

Йон сжал губы, как будто никак не может решить, стоит ли впускать незнакомца в квартиру. Наконец нехотя отходит в сторону.

– Сними обувь, – велит он.

– Разумеется. Сколько тебе лет, Йон?

– Шесть, – отвечает за мальчика мать. Она представляется Амандой. Ее рука теплая.

Из тесной прихожей мы идем в гостиную, минуя кухню и родительскую спальню, дверь в которую приоткрыта. Я подхожу к рождественской звезде, установленной на подоконнике, огромной и красной.

– Что же он такого мог там увидеть? – спрашивает мать.

– Помнишь, Йон, – обращаюсь я к мальчику, – когда я был там, внизу... мы еще помахали друг другу?... Это ведь здесь ты стоял тогда?

– Здесь.

– Что он такого мог там увидеть? – повторяет Аманда.

Потом подходит к окну, выглядывает во двор и зажимает рот ладонью:

– О боже...

Она интересуется самочувствием Йона: выдержит ли он разговор со мной?

– Я в порядке.

– Хорошо, я... – Женщина замолкает, собирается с мыслями. – Я приготовлю вам чай. Хочешь, Йон?

Мальчик пожимает плечами. Аманда неуверенно удаляется. Я пригибаюсь, уперев руки в бедра. Пытаюсь увидеть двор с высоты роста Йона. Даже в таком положении я все вижу, прежде всего Мауритцон, которая сейчас пытается снять с мертвеца обувь. Вокруг нее собралась целая толпа, и, судя по всему, Виктория от этого не в восторге.

– От тебя воняет. – Йон морщит нос.

– Правда?

– Блевотиной.

– Это моя куртка. Знаешь, полицейским часто приходится мараться в разной гадости. Не всегда успеваешь вовремя отскочить в сторону.

– Но твои глаза... – Йон подозрительно щурится, – они такие красные...

– Я не выпался.

Некоторое время мальчик молчит, словно оценивает, насколько сказанное мной может быть правдой. И в конце концов как будто решает для себя принять мой ответ.

– Там кто-то лежит.

– Да. – Я поднимаюсь. – Именно так.

– Он мертв?

– Именно так.

Я ищу, куда бы сесть, и высматриваю кожаное кресло рядом с низким стеклянным столиком. Опускаюсь на один из широких подлокотников. В этот момент Йон вдруг заходится в кашле. В горле его что-то булькает, как в засорившейся канализационной трубе. В лицо бросается кровь.

Аманда, похоже, забыла, зачем отправилась на кухню, или передумала по дороге. Она возвращается со стаканом воды, ставит его на стол, а сама садится на диван и накрывает ноги пледом.

– Ничего, если я составлю вам компанию?

– Разумеется. – Я поворачиваюсь к окну. – Ты смотрел на меня отсюда, Йон. Ведь так?

– Да.

– Как долго ты стоял возле окна?

Мальчик скрещивает на груди руки.

– Совсем немного.

– Можешь рассказать, что ты видел, когда подошел? Что происходило там, внизу?

– Ничего не происходило.

– Там что, никого не было?

Он качает головой:

– Они подошли потом.

– Когда?

Йон снова кашляет, на этот раз слабее.

– Ты спрашиваешь, который был час, но я пока не понимаю по часам.

– Да, меня интересует, который был час... Но ничего страшного. Так кто потом появился во дворе?

– Тот, кто сейчас там лежит.

– Откуда ты знаешь, что это был он?

– Мне так кажется.

Я подавляю вздох: ребенок.

– И он был один?

– Да.

– Что же произошло потом?

– Я не знаю. Я отошел в туалет, а когда вернулся, он лежал там, где лежит.

– И тогда он тоже был один?

– Нет. Еще один стоял рядом и держал его рюкзак.

– Можешь описать, как он выглядел?

Йон задумывается.

– Весь в черном.

– Он был высокий или нет?

Мальчик прищуривается, смотрит на меня.

– Примерно как ты.

– Цвет волос?

– Н... не знаю. Он был в шапке.

– Что за шапка? Какие натягивают на лицо?

Вопрос вызывает у мальчика приступ смеха. В горле его что-то булькает – приятный звук, отдающийся теплом у меня в желудке. Потом смех переходит в кашель, и лицо Йона снова краснеет.

– Выпей воды, милый, – раздается голос Аманды.

Я протягиваю мальчику стакан. Он делает глоток – морщась, словно это доставляет ему боль.

– Нет, – отвечает Йон на мой вопрос. – Нет, шапки так не носят.

– Итак, когда ты вернулся, кто-то стоял возле того парня и рылся в его рюкзаке... – пытаюсь я вернуть разговор в правильное русло.

– Да, – подтверждает Йон.

– И что, нашел что-нибудь?

- Я не видел, что это было.
- Но он что-то нашел?
- Да, а потом исчез.
- Куда? В какой стороне?
- Я показываю пальцем в окно, предлагая мальчику следить за моими движениями.
- Там... или там?
- Там.
- То есть в сторону центра.
- А потом, – продолжает Йон, – исчез и другой.
- Другой? – удивляюсь я. – Тот, что там лежит?
- Нет, который прятался.
- То есть был еще один, который прятался? – Я поднимаю руку, выставляя вверх большой палец. – Итак, сначала был тот, который лежит... – Мальчик кивает, я выставляю указательный палец. – Потом тот, который рылся у него в рюкзаке...
- Да.
- А потом еще один...
- Да. – Йон явно доволен тем, что ему удалось хоть что-то объяснить этому непонятливому взрослому дяде.
- И этот последний... собственно, кто это был, мужчина или женщина?
- Я не знаю.
- Какие у него были волосы, длинные или короткие?
- Я не видел.
- И где он прятался?
- За зеленым ящиком. – Йон имеет в виду один из мусорных контейнеров. – Когда тот, что искал в рюкзаке, исчез, он вышел, а потом тоже исчез.
- И как он двигался? Медленно или быстро?
- Быстро, – неуверенно отвечает Йон.
- То есть так... ловко? – Лицо мальчика отражает непонимание, и я спешу пояснить: – Он не показался тебе неуклюжим? Не хромал, не припадал на одну ногу? Как он двигался, прямо?
- Йон качает головой:
- Он просто двигался.
- То есть это все-таки был парень?
- Нет, – упрямо повторяет Йон. – Я не видел. Это ведь ты сказал «он».
- На это возразить мне нечего. Я снова подхожу к окну. Снег под лучами прожекторов слепит глаза. Со стороны может показаться, что Мауритцон делает покойнику педикюр.
- И ты все время простоял так один?
- Да.
- Вы сюда не входили? – Этот мой вопрос обращен к Аманде.
- Нет, – отвечает та, как будто даже обиженно.
- Я так не думаю... – бормочу я, скорее про себя, и снова поворачиваюсь к мальчику: – Спасибо за помощь, Йон. Ты сообщил очень важные для нас вещи.
- Но он умер... – рассеянно повторяет паренек. – Тот, который лежит.
- Это так... В чем в чем, а уж в этом мы уверены на все сто.
- В свете рождественской звезды очертания предметов за окном размылись. Теперь там стоит неразличимый серо-черный сумрак.
- Ты сейчас уйдешь? – спрашивает Йон.
- Похоже на то. – Я киваю.

– Счастливой Лючии⁸. – Он скользит взглядом в сторону прихожей. – И не забудь свои ботинки.

* * *

Тем временем внизу многое изменилось, или же наоборот – все осталось по-прежнему.

На покойнике больше нет обуви. Пальто с него тоже зачем-то сняли. Это все, что мне удастся разглядеть издали: тело заслоняют фигуры спящих вокруг него людей. Поодаль, за огражденной лентой, стоит гражданский автомобиль, принадлежащий не то газете «Экспрессен», не то «Автонбладет». Помощников не видно – должно быть, ушли на задание по звонку Габриэля Бирка. Как будто похолодало. Но все эти перемены представляются незначительными в сравнении с мертвецом, который остается мертвым, и снегом, все так же струящимся с неба. Убитый мужчина – вот что главное в этой ночи.

– А кто сообщил о нем в полицию? – спрашиваю, держа мобильник в руке.

Я давно перестал доверять своей памяти, но записать разговор с мальчиком, кроме как на телефон, некуда. Молодой человек в форме с плечами тяжелоатлета держит в руке блокнот, в другой – булочку с сыром и ветчиной. Я узнаю в нем Фредрика Маркстрёма – помощника полицейского из Норрланда.

– Так... – он пролистывает несколько страниц в своем блокноте, – поступил анонимный звонок с мобильного. Звонивший говорил как-то странно – возможно, намеренно искажал голос. Больше мы ничего не знаем. Я заказал копию разговора, вам пришлю. Дежурный попросил информатора представиться, но тот дал отбой. Удивительно, что они все-таки отреагировали.

– И кого послали? Вас?

– Меня и Халль, – отвечает Маркстрём, жуя булку.

Маленькая, говорливая и веселая Оса Халль из Гётеборга – полная противоположность Маркстрёму.

– Кто прибыл за вами?

– Ларссон и Лейфби.

– Ларссон и Лейфби?

– Да.

– Что они делали в центре?

Маркстрём откусывает еще кусок.

– Без понятия. Якобы случайно оказались поблизости.

Ларссон и Лейфби работают в районе Худдинге и относятся к тому типу полицейских, который редко представляет органы правопорядка в дни открытых дверей и перед журналистами. Один из них боится высоты, другой – выстрелов. Серьезные недостатки для полицейских, что и говорить. Кроме того, оба падки на сенсации – почти как репортеры.

Прибыв на место работы, Ларссон и Лейфби ведут себя в точном соответствии с инструкциями. На этот раз их отправили опрашивать народ на предмет поиска свидетелей. Ни того ни другого пока не видно, и я отмечаю про себя, что это скорее к лучшему.

Я направляюсь к мусорным контейнерам, распространяющим кислый запах. Присаживаюсь на корточки, ощущая поднимающийся от земли холод. Но чувства мои так притупились после таблетки, что и холод кажется не таким пронизывающим, как в первый раз, и вполне терпимым.

⁸ Праздник святой Лючии (Люции) отмечается в Швеции 13 декабря.

За одним из контейнеров на снегу проступают отчетливые следы. Там кто-то стоял. Сделал пару шагов вперед, потом отошел снова. Ботинки довольно изношенные, какие носят те, кто не имеет средств купить новые.

– Виктория, – тихо зову я, отрывая Мауритцон от лежащего на земле тела. – Мне кажется, здесь кто-то стоял.

Она что-то записывает в блокноте и кладет его в нагрудный карман комбинезона.

Я иду в сторону улицы, мимо заградительной ленты, достаю сигарету, закуриваю. Из клуба – музыка, что-то старое, танцевальное в новой аранжировке. Глухо пульсируют басы. Мелодия кажется мне знакомой, я слышал ее подростком. На какое-то время она возвращает меня лет на пятнадцать назад, когда я еще учился в школе и много ждал от жизни.

В кармане куртки вибрирует мобильный – сообщение от Сэм.

Ты спишь?

Нет, работаю.

Как прошел вечер?

Я делаю затяжку, обдумывая ответ.

О'кей... Убийство в Васастане.

Подумав, стираю последнюю фразу и пишу вместо нее:

Ты как?

Скучаю по тебе, – приходит ответ, и на душе делается тоскливо.

Тогда до завтра?

Да, завтра было бы хорошо.

Я думаю, что бы это значило. В обычные дни мы не откладываем свидания на завтра, Сэм готова заехать за мной в любое время.

В поле моего зрения появляется хорошо одетый мужчина. Он решительно шагает сквозь снег – волосы тщательно причесаны, полы расстегнутого пальто развеваются на ветру. Молча поднимает руку, не спуская глаз с моей сигареты. На лице гримаса брезгливости, граничащей с отвращением.

– Счастливой Лючии, – приветствую его я.

– Угостишь? – Мужчина смущенно озирается.

Это Габриэль Бирк. Я протягиваю ему наполовину выкуренную сигарету, и он высасывает из нее остатки жизни.

– Не знал, что ты куришь, – замечаю я.

– Ты много чего не знаешь. Кто руководитель следственной группы?

– Ты.

– Я?.. Но нам нужен комиссар. Морелиус?

– В отпуске.

Бирк закатывает глаза.

– Тогда позовите Каландера, он точно не в отпуске. Несколько часов назад я видел его возле сосисочной на Санкт-Эрикsgатан, и вид у него был весьма озабоченный.

– Тот, с топором, порядком его доконал. – Я киваю.

– С Тегнергатан?.. Ну да... А если Бэкстрём? Уж лучше он, чем ничего.

Я качаю головой.

– Бэкстрём в управлении.

– Бедное управление...

Бирк гасит окурок о стену, делает движение уйти, но останавливается и нюхает воздух:

– Ты блевал?

– Нет.

– Но воняет блевотиной. В таком случае кто-то сблевал на тебя.

– Как будто нет.

Бирк хихикает. Потом достает пару перчаток из кармана пальто:
– Где он?
– Там, на заднем дворе.

* * *

– У нас свидетель. – Я поднимаю глаза к окну с рождественской звездой. – Йон Тюрелль. Думаю, он видел убийцу.

– Откуда ты знаешь?
– Я говорил с ним.
– И что же он видел?
– Кое-что видел, но...
– Что?

– Ему шесть лет. Так, по крайней мере, сказала его мать.
– Шесть лет? – Бирк морщится. – Прекрасно...

Он садится на корточки рядом с трупом. Лицо Томаса Хебера исполнено неземного покоя.

Визитница лежит на прежнем месте, возле рюкзака. Бирк берет ее, достает идентификационную карточку.

– Красивый мужчина, – замечает он.
– Такие тоже умирают, – отзывается Мауритцон.

Бирк возвращает карточку и визитницу на место, поднимается и озирает место преступления, будто осваивается.

– Он пришел сюда. – Я имею в виду Хебера. – Он стоял здесь. Возможно, еще один человек явился раньше его и прятался за одним из контейнеров. Потом – еще один, тот, что всадил нож Хеберу в спину. С большой долей вероятности он подошел сзади. Когда Хебер упал, тот, последний, рылся в его в рюкзаке. Что-то нашел, насколько мы можем предположить, и скрылся. Возможно, прихватил с собой мобильник Хебера, поскольку здесь его нет. Он направился в сторону Сити. Потом ушел и тот, что прятался за контейнерами – так утверждает свидетель. Скорее всего, именно тот, что прятался, и позвонил в полицию. Вопрос, что он тут делал. Вполне может быть, оказался здесь случайно; какой-нибудь наркоман или бездомный...

– Но твоему свидетелю шесть лет, – напоминает Бирк.

– Тем не менее его показания вполне согласуются с тем, что я вижу. Кто-то стоял за контейнерами.

– Будем надеяться, что объявятся и другие свидетели. – Бирк снова оглядывается. – На первый взгляд похоже на ограбление... но почему не взяли наличные?.. Должно быть, здесь все-таки что-то другое.

– Именно, – соглашаюсь я. – Вопрос что. Может, ему был нужен его мобильный?

– Мобильный? В рюкзаке? – недоверчиво переспрашивает Бирк. – Ты свой где носишь?

К нам приближается Маркстрём, с блокнотом в одной руке и пластиковым стаканом с кофе в другой. Я спрашиваю себя, видел ли когда-нибудь Маркстрёма без еды или напитка. Хотя, с другой стороны, я знаю его не так давно.

– Томас Маркус Хебер, – провозглашает он и с шумом втягивает в себя кофе. – Родился в семьдесят восьмом году. Холост, детей нет. Числится проживающим на Ванадисвеген, дом пять, меньше километра отсюда. Одиннадцать лет назад был признан виновным по статье о нанесении телесных повреждений, а за год до того – о нарушении общественного порядка.

– Избиение и нарушение общественного порядка... – повторяет Бирк и поворачивается ко мне: – Займешься этим?

Я киваю, снова поднимаю глаза к окну:

– Займусь.

Йона в окне нет. Должно быть, мать уложила его спать. Я думаю о том, не повредила ли ему наша беседа и то, что он видел. Что приснится ему сегодня ночью?

– Завтра, – уточняю я.

– А я займусь его квартирой.

– У тебя есть ключи?

Он кивает на связку ключей на снегу.

Я медлю, прежде чем задать ему следующий вопрос:

– Хочешь, чтобы я составил тебе компанию?

– Нет. Но не все получается так, как мы хотим.

* * *

На первый взгляд с дверью все было в порядке, хотя Кристиан орудовал тяжелым молотком – это было единственное, что на тот момент имелось у него под рукой. Разве что ручка немного отстала да щель, свидетельствующая о том, что дверь прикрыта недостаточно плотно. Но не более того. А с учетом темноты так все и вовсе было в порядке.

Он стоял на улице, не прятался. В окнах не горел свет, если не считать красной рождественской звезды парой этажей выше. Времени было чуть больше половины десятого. До смерти Томаса Хебера оставалось меньше часа.

Он сунул пластиковый пакет с ножом под куртку. Пока шагал пешком от Кунгсхольмена, всем телом чувствовал близость отточенного металла. Молоток забросил в строительный контейнер на Санкт-Эриксплан. Никто его не видел. Никто не видит его и теперь.

* * *

Кристиан и Микаэль полжизни прожили вместе, другую половину – врозь. Познакомились пятнадцать лет тому назад, когда обоим было по пятнадцать, на вечеринке в Хагсэтре, в высотном доме возле центра. В марте месяце, когда все вокруг становится однообразно-серым. Если где-то существует вечность, там может царить только вечный март.

Потом они узнавали друг друга, но никогда не разговаривали. Несколько раз встречались на площади и на стадионах.

Тогда, во время вечеринки, Кристиан вышел на балкон покурить. Микаэль стоял там, и они разговорились. Что-то странное было в их отношениях – по крайней мере, так казалось Кристиану. Но что именно, этого он понять не мог.

Потом Кристиан заметил, что оба носят футболки с символикой британской рок-группы «Скрюдрайвер». Оба заметили это одновременно и тут же рассмеялись. Футболка Кристиана была белой, он получил ее в подарок от брата Антона. Микаэль носил такую же, но черную.

– Любишь «Скрюдрайвер»?

– Я слышал только их первую пластинку, – ответил Кристиан. – Футболку подарил мне брат, но она мне нравится.

– Мне тоже. Я люблю у них только *All Skrewed upp*⁹, остальное – нет. Ты слышал, что они переметнулись к наци?

– Что?

– Стали неонацистами.

⁹ Дебютный альбом группы «Скрюдрайвер» (1977).

Кристиан так и застыл с разинутым ртом. Рисунок на футболке сразу изменился, стал каким-то зловещим. Кристиан спрашивал себя, известно ли Антону то, о чем он только что узнал от Микаэля, или же брату вздумалось над ним подшутить. Подставить его – ведь за такое вполне могут набить физиономию...

– Нет, я понятия не имел обо всем этом, – ответил он Микаэлю.

– Больные. – Тот кивнул.

– Точно. Они больные.

– Да.

По ту сторону стеклянной двери, в квартире, кто-то рухнул на пол с подлокотника дивана. Оба оглянулись на стук.

– Это Петер, – сказал Кристиан, – мой одноклассник. Он всегда напивается в стельку.

В гостиной пела «Нирвана»: *I'm so happy, 'cos today I found my friends. They're in my head...*¹⁰

– Ты живешь в Хагсэтре? – спросил Микаэль.

Кристиан кивнул и поежился от холода.

– На Оммебергсгатан, рядом со спортплощадкой. Ты тоже?

– На Глансхаммарсгатан. – Микаэль показал в пространство между высотными домами, в окнах которых уже горел свет. – Видишь тот дом между высотками, который поменьше?

Кристиан прищурился, стараясь сфокусировать взгляд, поправил очки. Его повело. Курил он редко, а сегодня еще и выпил пива.

*...and just maybe, I'm to blame for all I've heard...*¹¹ – пели динамики.

– Да, вижу, – ответил Кристиан на вопрос Микаэля.

– Второе окно сверху и второе справа, видишь? Там моя комната.

Свет в том окне не горел.

У Кристиана были угри и плохое зрение. Он носил очки с толстыми линзами, за которыми зрачки выглядели как две булабочные головки. В школе рослый парень по имени Патрик кричал ему при встрече: «Привет, милашка! Как жизнь?» Кристиан старался не обращать на него внимания. Он был хорошим спортсменом, блистал в баскетболе и настольном теннисе, только поэтому с ним еще кто-то дружил. Хотя Кристиан и не сомневался, что приятели шепчутся о нем за его спиной.

Новый друг в этом отношении мало чем от него отличался – в этом Кристиан вскоре убедился. Кроме разве того, что у Микаэля не было ни угрей, ни очков.

– Хочу еще пива, – сказал Микаэль.

– Я тоже.

Они сбросили окурки с балкона, проводив взглядом тлеющие огоньки. Потом вернулись в гостиную. У Кристиана запотели стекла очков, и Микаэль рассмеялся: «В таком виде трудно произвести на людей достойное впечатление».

Что правда, то правда. Кристиан запомнил эти слова. При других обстоятельствах он тоже рассмеялся бы. Должно быть, вид у него и в самом деле был комичный.

* * *

Там, во дворах между высотками, кипели невидимые миру страсти. Они копились внутри, их приходилось носить с собой. Прятать от тех, от кого можно было ожидать опасности, и открывать тем, в ком подозревал своих. Они были при Кристиане всегда: когда шкаф его лучшего друга взломали и на внутренней дверце нарисовали свастику. Когда в одиннадцать

¹⁰ «Я так счастлив, потому что сегодня нашел друзей. Они у меня в голове...» (англ.)

¹¹ «И, возможно, есть и моя вина в том, что я слышал...» (англ.)

лет на дискотеке в клубе при спортивной площадке он впервые поцеловал девочку. Ее звали Сара, и никогда больше пальцы Кристиана не касались такой нежной кожи. Они были вместе месяц. В свои двенадцать Сара уже носила бюстгальтер и в последний день из дружбы разрешила Кристиану потрогать грудь. Кто знает, может, именно его нерешительность и стала причиной того, что они расстались?

В четырнадцать лет он влюбился снова, и на этот раз серьезно. Ее звали Пернилла. Все началось с того, что она подсунула в школьный шкафчик Кристиана записку: «Они могут смеяться над нами сколько угодно – мы движемся, они стоят»¹². С Перниллой Кристиан впервые занимался сексом. Это произошло на вечеринке, так похожей на ту, где год спустя он впервые говорил с Михаэлем.

Но страсти кипели внутри, их надо было сдерживать. Когда трое мигрантов в закутке за спортзалом расправлялись над шведом – двое держали, а третий бил. И когда день спустя четверо шведов расправлялись с мигрантом за киоском, которым владел отец одного из шведов. И когда на очередной вечеринке Кристиан встретил парня со знакомым рисунком на футболке и понял, что обрел в его лице друга и защитника.

И не было никакого внешнего движка, никакого катализатора, который заставлял бы Землю вращаться. Никакого ответа на вопрос «почему?». Просто одно событие следовало из другого, и, оглядываясь назад, ты не видел ничего, кроме беспорядочного переплетения никак не связанных друг с другом причинно-следственных цепочек. И Кристиан начинал понимать, что именно таким образом мы и становимся тем, кто мы есть.

* * *

Следуя полученным инструкциям, он не спускается в метро. Там везде камеры слежения. Вместо этого Кристиан идет на автобус и едет до университета. К месту назначения он продвигается окольными путями, пересеживается с маршрута на маршрут, чтобы не прибыть раньше срока. Мерзнет на остановках. Автобусы трясутся мимо, кашляя бензиновыми испарениями. Среди водителей нет ни одного шведа. Он минует здание школы «Васа Реал», на стене которой кто-то написал: «Еврейские свиньи» и «1488»¹³. Кристиан спрашивает себя, кто это сделал. На Оденплан обгоняет студенческую процессию во главе с Люцией¹⁴. Они смеются, от них пахнет спиртным.

Наконец Кристиан сходит с последнего автобуса. Он ждет его там, за углом университетского корпуса. По мере приближения к цели Кристиан все сильнее ощущает его присутствие. Вон он стоит, подняв глаза к единственному освещенному окну.

– Всё в порядке? – спрашивает он, даже не оборачиваясь к Кристиану.

– Да.

– Звучит как-то неуверенно.

– Всё в порядке.

– Дай мне его.

Кристиан расстегивает «молнию» на куртке и достает пластиковый пакет. Михаэль берет его у него из рук.

– Что это ты...

– Бери. Поговорим позже.

– Но я...

¹² Строчка из известной песни шведской поп-группы «Кент», стихи и музыка Иоакима Берга.

¹³ 1488 – кодовый лозунг (подчас также употребляющийся в качестве приветствия или подписи) у белых расистов. Числа 14 и 88 представляют собой закодированные высказывания Адольфа Гитлера и американского расиста Дэвида Лейна.

¹⁴ Традиционная процессия на праздник святой Люции, во главе которой идет девушка с короной из зажженных свечей.

– Не сегодня. Увидимся завтра.

Микаэль снова поднимает глаза к окну. Свет все еще горит. Секунды томительного ожидания. Мысли проносятся в голове Кристиана стремительным потоком.

– Ну, хорошо, – говорит он, поворачивается и собирается идти.

Снег скрипит под его шагами. Перед глазами светится огромная оранжевая вывеска нефтяной компании «Статойл». Несмотря на машины и людей, вокруг на удивление тихо. В такие вечера возвращаются воспоминания о прошлом. Пятнадцать лет назад им было по пятнадцать. Они двигались вперед, остальные стояли на месте, как поется в известной песне группы «Кент». Кристиан оборачивается на здание, ищет окно, в котором был свет. Не находит. Стена вздымается сплошной черной громадой. И на углу университетского корпуса больше нет Микаэля.

13/12

О Габриэле Бирке много чего рассказывают, но по большей части это выдумки. Что-то вроде свидетельских показаний, которые больше говорят о тех, кто их дает, нежели о деле.

Одни, к примеру, утверждают, что у Бирка напрочь отсутствует обоняние, в то время как другие, напротив, – что он различает запах человеческой слюны. Ходят слухи, что он гей, но при этом живет с какой-то женщиной из рода Гамильтонов. Иные полагают, что перед тем, как идти в армию – где он служил в команде снайперов, отстреливавших парашютистов, – Бирк сменил фамилию, а вообще он отпрыск какого-то древнего дворянского рода. Другие считают его выходцем из нищего предместья, где Габриэля воспитывал папа-одиночка, пивший и избивавший сына чуть ли не каждый день. Что одно время Бирк был женат на женщине из Эстонии, которую вырвал из лап торговцев живым товаром. Что еще во время учебы Бирка держало на примете СЭПО¹⁵, но им так и не удалось его завербовать. Что прошлое Бирка – незаконный бизнес и вообще темный лес.

Ну и так далее... А в результате – никто ничего не знает наверняка. Лично я верю примерно половине всех этих слухов, причем какой именно половине, зависит от Габриэля Бирка и его настроения. Думаю, что все-таки он живет один. Бирк – волк-одиночка. Как и все мы, впрочем. Возможно, именно благодаря этому качеству мы хоть как-то срабатываемся вместе.

Вот и сейчас, не сказав друг другу ни слова, оба направляемся прогуляться в сторону Ванадисвеген, 5. Скользим по ночной столице двумя бесплотными теньями. Сразу за оградительной лентой Бирк останавливается.

– Хммм... Посмотри-ка, – говорит он.

Блевотина, извергнутая из моего желудка меньше часа назад, успела превратиться в ядовитого цвета ледяной кристалл.

– Это твое?

Мы в двух шагах от места преступления. Лгать бессмысленно, Брик тут же возьмет пробу на анализ.

– Да, – отвечаю.

– Ты болен?

– Не знаю, но мне нехорошо. Думаю, все дело в трупце.

Брик наклоняется, всматривается в блевотину. Мне делается не по себе, как будто он разглядывает меня голого.

– А что ты ел?

Почти ничего, в том-то все и дело. Полная потеря аппетита – побочное действие «Собрилы». У меня дрожат руки. Я едва держусь на ногах от слабости.

– То же, что и все, – отвечаю.

– Тебе явно нужно менять пищевые привычки, – отзывается Бирк.

* * *

Мы сворачиваем с широкой Свеавеген и вскоре оказываемся перед домом на Ванадисвеген, 5. На часах почти два. Началось тринадцатое декабря.

– Лючия, – говорит Бирк. – Ты поедешь в клинику?

– Нет.

– Но на Рождество-то поедешь?

– Может, заеду ненадолго, не более того.

¹⁵ СЭПО (шв. Säkerhetspolisen) – служба государственной безопасности Швеции.

– Как часто ты туда ходишь? Как часто встречаешься с ним?

– По мере необходимости, – бурчу я.

– Вот возьми. – Бирк протягивает мне упаковку «Стиморол». – Можешь считать это подарком.

Я вытаскиваю из упаковки жвачку. Бирк надевает латексные перчатки, достает ключи из пакета и прикладывает один к замку на воротах. Дверь открывается на удивление легко. Если она и издает какие-нибудь звуки, те тонут в несмолкаемом городском гуле.

– Пятый этаж.

Бирк поднимается по лестнице, читая фамилии жильцов на дверных табличках.

– Еще немного... Нет, оставь себе, – говорит он, когда я хочу вернуть ему оставшуюся жвачку. – Тебе нужней.

* * *

Перед светло-коричневой дверью с табличкой «Хебер» над почтовой щелью мы с Бирком снимаем ботинки. Замок, похоже, не тронут. Никаких признаков того, что его пытались взломать.

– Звонить? – спрашиваю я Бирка.

– Зачем? Он же мертв, – удивляется тот.

– Ну... может, там есть кто-нибудь еще... друг, девушка... любовник, наконец.

– Ты его ботинки видел? – спрашивает Бирк. – Мужчина с такими ботинками точно не гей.

– Ты понял мою мысль, – говорю я.

Он оглядывает дверь на предмет звонка. Звонит. Квартира Хебера не подает признаков жизни. Я осторожно стучу в дверь, три раза. Не дождавшись ответа, Бирк вставляет ключ в замочную скважину.

* * *

Последнее жилище Томаса Хебера представляет собой небольшую двухкомнатную квартиру с высокими потолками. Три стены одной комнаты почти полностью закрыты полками с книгами. В глубине стоит кресло, за ним – торшер. Больше в комнате ничего нет, если не считать картонных коробок, наваленных вдоль единственной открытой стены, – верного свидетельства того, что хозяин квартиры бо́льшую часть времени проводил вне ее стен.

– Как долго он здесь жил? – спрашивает Бирк.

– Два года, если верить Маркстрёму.

– А выглядит так, будто недели две... У меня был бы нервный срыв, увидь я свою комнату такой после двух лет моего в ней проживания. Посмотрим спальню?

Не дождавшись ответа, Бирк идет дальше. Я подхожу к одной из полок. Разглядываю корешки довольно зачитанных книг, склонив голову набок. Преобладающая тематика – социологическая и философская. С краю полки выдвинуты: «Настольная книга активиста», «Руководство по военно-политической блокаде». Я вытаскиваю наугад, пролистываю. Заметки на полях сделаны нечитабельным профессорским почерком. С другого края полки – его докторская диссертация по социологии, в нескольких экземплярах: *Studies in the Sociology of Social Movements: Stigma, Status, and Society*¹⁶.

¹⁶ «Социологическое изучение общественных движений: отторжение, статус, общество» (англ.).

Не испытывая особого желания в нее заглядывать, я ставлю книгу на место и прохожу на кухню. Это маленькое квадратное помещение с таким же квадратным деревянным столом и четырьмя стульями. На окнах голубые гардины. На подоконнике пустое вымытое блюдо. Больше ничего – ни цветов, ни лампы.

– Он курил?

– Ничего не могу сказать по этому поводу, – слышу я голос Бирка.

Открываю холодильник. В нем две бутылки крепкого чешского пива, банка соуса тако, сливочное масло и жалкий кусочек сыра, до истечения срока годности которого остается меньше суток.

Прохожу в спальню. Бирк уже там, стоит на коленях перед гардеробом. Он изучает пару ботинок. Внимательно разглядывает шнурки, потом подошвы, нюхает и ставит обратно.

– Ничего? – спрашиваю я.

Габриэль качает головой.

Кровать не застелена. Я нюхаю постельное белье: похоже, оно давно не стирано. На ночном столике возле окна кучей навалены бумаги. Вижу счет за аренду квартиры за декабрь месяц, зарплатную квитанцию из Стокгольмского университета, счет за мобильный телефон. На последнем – номер, который я набираю на своем мобильнике. Механический голос сообщает, что абонент временно недоступен.

– Телефон выключен или находится вне зоны действия сети, – повторяю я Бирку.

– Не ожидал ничего другого, – отзывается он.

Под счетом за телефон – другие бумаги. Я беру их, осторожно разворачиваю.

– Что там? – спрашивает Габриэль.

– Кассовый чек. Одиннадцатого декабря Хебер купил чашку кофе в кафе «Каиро». Расплатился, похоже, картой. Это всё.

– «Каиро», «Каиро»... – повторяет Бирк. – Это ведь совсем рядом с нами, правда?

– На Митисгатан, – читаю я в чеке. – Да, совсем рядом с бункером.

Сую бумажку во внутренний карман, но Бирк все видит.

– Положи на место, – велит он. – Ничего нельзя трогать до прибытия криминалистов.

– Мне свернуть ее как было? – спрашиваю я.

Он закатывает глаза.

Я кладу чек на место, и мы продолжаем осмотр спальни и платяных шкафов.

Все это мало способствует прояснению личности владельца. Точнее сказать, не способствует вообще.

– Думаешь, он планировал вернуться сюда? – спрашиваю я Бирка. – После той встречи, которая была у него на Дёбельсгатан?

– Я ничего не знаю, – констатирует Бирк, уставя глаза в пол.

– А что думаешь?

– Думаю, что ответ на наш главный вопрос мы здесь не найдем.

Внезапно он присаживается на корточки.

– А это что?.. Следы ботинок... Видишь?

– Откуда? – удивляюсь я. – Мы оставили свою обувь снаружи. Я всегда знал, что ты хороший полицейский, Бирк... Но где следы? Я ничего не вижу.

– Для этого тебе надо присесть рядом со мной.

Я повинуюсь – и сразу же вижу все. Отпечатки массивных ботинок, большего размера, чем мой. В прихожей их множество. Узор на подошве смазан, как будто кто-то подтер его в спешке.

– Похоже, мы их здорово попортили, – замечаю я.

– Не думаю, – возражает Бирк. – Мы передвигались вдоль стен.

– Но это другие следы... Не те, которые я видел за мусорным контейнером на Дёбельнsgатан. Рисунок различается.

– Как мы могли не заметить этого сразу, – сокрушается Бирк.

Потом поднимается, делает несколько шагов в сторону двери – и заливается смехом.

– Это черт знает что...

В комнате Хебера тени падают косо, и свет потолочной лампы отражается от пола. Эта игра света и тени и скрыла от нас отпечатки ботинок – чистая случайность. Бирк снимает следы на мобильный.

– Они еще не просохли, – замечает он. – Нужно срочно вызывать Мауритцон.

– Да, но как этот человек проник в квартиру? – недоумеваю я. – Замок на двери не тронут.

– Наверное, у него были ключи, как у нас, – предполагает Бирк. – Это мог быть и сам Хебер, кто знает, – добавляет он, глядя в мое недоумевающее лицо.

Предположение из разряда тех, что только что высказывались над трупом. Их назначение – связывать воедино очевидные факты.

* * *

Где-то на полпути между Ванадисвеген, 5 и местом преступления на Дёбельнsgатан, на перекрестке, лоб в лоб столкнулись два автомобиля – треск, крики, вой сирен. Ошеломленные, мы наблюдаем происшествие с безопасного расстояния.

– Ты знаешь, – замечает Бирк, – что рвота – проявление абстинентного синдрома после «Собрила»? Если это будет продолжаться, ты не сможешь работать в полиции.

– Со мной всё в порядке, – заверил его я. – Спроси моего психолога.

Бирк хмыкает. В баре неподалеку детский голос поет песенку о рождественском гноме, который непременно вернется.

– Ты когда-нибудь верил в рождественского гнома? – спрашиваю я Габриэля.

– У нас они не водились, – отвечает он.

– А я верил, – вздыхаю я. – Достаточно долго, чтобы расстроиться, когда узнал, что его не существует.

– Ты разрываешь мне сердце, – ухмыляется Бирк.

Мы минуем толпу пьяных мужчин и женщин. Они смеются, что-то кричат.

– Так почему у вас не водились рождественские гномы? – спрашиваю я.

* * *

Утро. По другой стороне улицы движется процессия во главе с Лючией – женщиной моих лет. На детях белые балахоны и красные костюмы рождественских гномов. В руках погасшие свечи, пакеты со сладостями. На спущенных на лоб капюшонах блестит мишура. Не похоже, чтобы они особенно веселились. Город по-прежнему укутан темнотой, хотя давно проснулся – если, конечно, вообще когда-нибудь засыпал. На Хантверкаргатан полно машин. Уличные фонари стоят окутанные облаками выхлопных газов.

На одном из верхних этажей полицейского участка, где располагается «убойный отдел», – мертвая тишина. Если не считать принтера, время от времени с монотонным гудением выплевывающего бумаги, и радиоприемника, который сегодня играет гимны в честь Лючии. В углу топорщит ветки пластиковая елка вполовину человеческого роста. Она увешана золочеными и серебряными наручниками, миниатюрными полицейскими дубинками синего и красного цвета, полосатыми, как сливочная карамель, игрушечными пистолетами и деревянными фигурками констеблей, которые специально для коллег раскрасил ветеран полиции, ныне пенсионер, мастер Скаке. Высоко над окном, у самого потолка, сияет рождественская звезда.

Посредине кабинета – письменный стол с компьютером и офисным стулом. Напротив него – кресло в виде скелета, для посетителей. За ним – ряд пустых книжных полок. Здесь все было так с самого начала, и прошло немало дней, прежде чем я обнаружил на деревянной столешнице следы сигаретных ожогов.

На противоположной стене – маленькое квадратное окошечко, сквозь которое в комнату глядит столь же маленький, квадратный кусочек внешнего мира. И снег, который зарядил по новой. Это всё.

На столе – пачка бумаг, исписанных рукой Габриэля Бирка. Это резюме протоколов двух преступлений Томаса Хебера и первые рапорты с Дёбельнсгатан. С момента смерти прошло девять или десять часов, родные Хебера уже оповещены и допрошены. Все это было сделано по телефону, все тем же Бирком. Конспекты допросов передо мной на столе. Последние из них подписаны около половины шестого – деталь, свидетельствующая о том, что нынешней ночью спать Бирку не пришлось.

Свидетельские показания также понемногу поступают и привлекаются к делу, но до сих пор не было ничего, что решающим образом повлияло бы на направление поисков. Руководитель предварительного расследования прокурор Ральф Олауссон мне незнаком, но приклеенная к столу записка повелевает немедленно с ним связаться. Я спрашиваю себя: кто ее написал?

Родители Томаса Хебера буквально убиты известием о смерти единственного сына. Фредрика Юханнессон – судья во всему, его последняя подруга – переживает немногим меньше. При этом, судя по бумагам Бирка, ни ей, ни родителям сообщить следствию нечего. Отец характеризовал Томаса как открытого, общительного человека, окруженного друзьями и любимого коллегами. Однако даже те, в ком можно было бы видеть его ближайших друзей, затруднились дать ему столь однозначную характеристику.

Томас Хебер читал лекции по социологии в Стокгольмском университете и, по словам матери, числился там на хорошем счету. С девушкой он расстался два года назад, когда заканчивал работу над диссертацией, которая, как можно предположить, и стала причиной их разрыва. Хебер с головой ушел в работу. Фредрика Юханнессон сомневалась, что с тех пор у него с кем-либо были любовные отношения, но не исключала этого. Имен, во всяком случае, она не называла.

Я откладываю рапорты, выхожу из комнаты, едва не повалив елку, и наливаю себе черного кофе из автомата. Пока чашка наполняется, мимо проходят первые коллеги – ранние пташки, бледные, с красными глазами и с сугробиками снега на плечах. Я отворачиваюсь, избегая вступать с ними в беседу. Так повелось с первого дня моего возвращения на службу. В их глазах я – необстрелянный щенок, кисейная барышня, падающая в обморок при виде пистолета.

Больше всего мне хочется сейчас таблетку «Собрила», но я держусь. Спрашиваю себя, когда наконец пройдут это отчаяние и страх. Психолог советовал набраться терпения и выждать, но при этом не рекомендовал ничего конкретного. Мне следовало быть настойчивей, прежде чем мы с ним расстались.

Возвратившись в кабинет, снова берусь за протоколы. Первое преступление Томаса Хебера – нарушение общественного порядка – датируется ноябрем 2001 года, нанесение телесных повреждений – декабрем 2002-го. К протоколам прилагаются материалы судебного заседания.

3 ноября 2001 года неонацисты отмечали очередную годовщину гибели короля Карла XII¹⁷. Планировалась демонстрация в центре Стокгольма, число участников которой оказалось больше, чем когда-либо. Встречная демонстрация политических сил левого фронта органи-

¹⁷ Карл XII (1682–1718) – король Швеции в 1697–1718 гг., полководец, известный громкими военными кампаниями в Европе и мечтавший сделать Швецию основной политической силой в регионе.

зовывалась Томасом Хебером, молодым социологом и активистом антифашистского сетевого форума АФА, но не получила поддержки со стороны властей. Антифашистам не дали разрешения на проведения акции; в результате демонстрацию АФА полиция разогнала, а на ее участников были наложены большие штрафы.

Спустя год, в декабре 2002-го, собралась другая демонстрация, в Салеме¹⁸, чтобы почтить память Даниэля Вретстрёма¹⁹, молодого парня, убитого группой шведоненавистников-мигрантов. Обычно в это время, когда мирные жители округа подвергаются нешуточной опасности, я стараюсь не бывать в Салеме. Вот и на этот раз о подробностях акции узнал от родителей. «Демонстранты» швыряли в окна куски фанеры, штурмовали на автомобилях закрытые гаражи... В общем, по мере возможности выходные лучше было провести в каком-нибудь другом месте.

Но акция 2002 года, третья по счету с момента убийства семнадцатилетнего Вретстрёма, обернулась настоящей битвой. В самом ее разгаре Томас Хебер ударил пустой бутылкой некоего неонациста. К несчастью, бутылка разбилась о голову жертвы. Была ли она надтреснута или Хебер и в самом деле не рассчитал силу удара – оставалось только догадываться. Прокурор придерживался второго. История получила широкую огласку. Были задействованы криминалисты, но следственная группа так и не пришла к какому-либо определенному выводу. Тем не менее Хеберу дали два года условно, с привлечением к общественным работам.

Грехи молодости? Возможно.

Я поднялся, подошел к окну. Над Стокгольмом занимался рассвет. Мне нужно было с кем-нибудь поговорить, нужно было куда-то двигаться.

* * *

Все началось уже во время нашей первой встречи в клинике Святого Георгия; я и сам не заметил, как втянулся в это необратимо. Я должен был сразу обо всем догадаться, понять, что не случайно ввязался в эту войну, в которой, как я чувствовал, должен потерпеть поражение.

– Завязать не планируешь? – спросил Грим.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну... все это. – Он кивнул на тубус с таблетками в моей руке.

Собственно, я и не думал ничего от него прятать.

– Я много думал об этом, – ответил я.

– А Сэм знает?

– Нет.

– А если узнает?

Я вздохнул.

– Понятия не имею, как она отреагирует.

– Хмм...

– Что это значит? – не понял я.

– Ты хочешь вернуться к работе?

– Да.

Грим подался вперед.

– Почему это для тебя так важно? Вернуться к работе, я имею в виду...

¹⁸ Салем – пригород Стокгольма, имеющий репутацию неблагополучного и криминогенного, прибежища экстремизма и неонацизма.

¹⁹ Даниэль Вретстрём (1983–2000) – шведский нацист, барабанщик группы «Белый легион»; был убит группой мигрантов в Стокгольме, в районе Салем.

– Потому что... – Я задумался. – Я не умею делать ничего другого... не хочу и не могу...
Потому больше у меня ничего нет.

– А Сэм? – Он приблизил лицо, глядя мне в глаза. – Разве ее у тебя нет?

– Нет.

– Я полагал, вы вместе...

– Это не так.

Грим кивнул.

– Но ты понимаешь, что не сможешь вернуться в полицию, пока не покончишь со всем этим... или, – он поморщился, и на его лице проступило подобие улыбки времен нашей стародавней дружбы, – пока не убедишь их в том, что покончил... С учетом твоей истории, я имею в виду.

– Не уверен, что у меня это получится.

– А ты пытался?

– Нет.

– Тогда, может, стоит?

– В любом случае это только мое дело. Если я прибегну к помощи со стороны, они могут заметить. И, с учетом моей истории, как ты сказал... меня уволят из полиции. Я не могу так рисковать.

– Тогда действуй один. Тебе предстоит пережить момент истинного освобождения, если получится.

Я взгляделся в его лицо.

– Зачем мы об этом говорим? Единственная причина – твоя очередная попытка ткнуть меня носом в грязь. Потому что это единственный вред, который ты можешь сейчас причинить мне.

– Ты ни черта не понял. – Грим затряс наручниками, цепи на них зазвенели. – Сейчас я с большим удовольствием двинул бы тебе в физиономию, если б мог.

* * *

Парк в окрестностях университета красив и в декабре. А вот Южный корпус оставляет ощущение замаскированной психбольницы. Это девятиэтажное здание, неопределенного, точно застиранного, бледно-голубого оттенка. Я поднимаюсь ко входу в большой компании студентов, пребывающих, судя по всему, в одинаково мрачном настроении. Коридоры поражают тишиной. Молодые люди с тяжелыми рюкзаками встречают меня подозрительными взглядами. У многих в руках – пластиковые чашки с кофе. Стены завешаны политическими плакатами антифашистской демонстрации, поверх которых красноречивые надписи черной краской: «Левые – свиньи!», «Убирайтесь, коммунистические шлюхи!». Последняя, впрочем, перечеркнута. Над ней начертана другая: «Умрите, нацистские свиньи!»

Институт социологии располагается на девятом этаже Южного корпуса. По пути я покупаю чашку кофе – кажется, лишь для того, чтобы хоть что-то держать в руке. В коридоре института светло и тихо, как в какой-нибудь бюрократической конторе. Двери плотно закрыты, кроме одной, за которой сидит директор института префект Марика Францен.

– Лео Юнкер, полиция, – представляюсь я.

Она оборачивается, в глазах – удивление.

– Простите, – спешу добавить.

– Но я...

– Нет, нет... ничего страшного.

Она быстро оглядывает меня с ног до головы. Потом поднимается навстречу, протягивает руку.

– Прошу вас, входите.

Из подключенных к компьютеру динамиков гремит гимн Лючии. Марика Францен небольшого роста, темноволосая. У нее узкое лицо, большие очки и маленький нос картошкой. Смотрится забавно.

– Я должен задать вам несколько вопросов. Речь пойдет о Томасе Хебере. Вы, конечно, знаете, что с ним случилось?

– Да, – отвечает она, прикручивая звук, а потом отключает динамики совсем. Глаза у Марики пронзительные, карие, взгляд сосредоточенный, серьезный. – Я слышала. Это ужасно, я ничего не понимаю... Присаживайтесь, пожалуйста.

В углу комнаты – уютный диванный уголок. Я располагаюсь в одном из кресел. На столе рядом с бумажной кипой стоят бутылка коньяка и две рюмки. На одной из них – следы губной помады.

Подозрительно косясь, Марика убирает бутылку и рюмки в шкаф. Краснеет.

– Расслабились вчера с коллегой, – объясняет она. – У нас было долгое совещание.

– Когда именно было совещание? – спрашиваю я.

– Начали в пять, закончили около восьми.

Она присаживается на край дивана напротив. Смотрит так, будто в любой момент ожидает, что я пролью свой кофе и испорчу ей диван.

– Томас тоже участвовал? – спрашиваю я.

– Оставался до самого конца. Его дверь стояла приоткрытой, и я видела его после заседания.

– Во сколько он ушел?

– Я спросила, не собирается ли он домой; было достаточно поздно. И он ответил, что нет. Якобы у него назначена встреча с кем-то в половине одиннадцатого, поэтому он остается.

– В половине одиннадцатого, – повторил я, вынимая блокнот. – И вам известно с кем?

– Нет. Но, учитывая, что Томас проводил полевые исследования, можно предположить, что это был кто-то из его респондентов.

– Полевые исследования?

– Да. Когда исследователь собирает эмпирический материал, опрашивает людей или проводит наблюдения, мы называем это полевыми исследованиями.

– Что же исследовал Томас?

– Социальные движения.

– Что это?

Марика забрасывает одну ногу поверх другой.

– Это сложное понятие. В любом случае речь идет о неких социальных группах, сетях или организациях, которые занимаются общей деятельностью. То есть в центре внимания группы, не отдельные люди.

– Такие как AFA, например?

– Именно как AFA.

Ее глаза вспыхивают, но в следующий момент Марика зажимает ладонью рот, как будто сказала лишнее. Возможно, просто пытается сосредоточиться.

– Это щекотливая тема, – замечает она. – Социальные движения часто возникают как протест против общественного порядка.

– То есть речь идет о политических группах?

– Не обязательно. Помимо прочего, ответ зависит от того, что понимать под политикой. Что касается Томаса, его интересовали автономные социальные движения: с одной стороны, такие группы, как «Революционный фронт» или AFA, с другой – националистические вроде «Шведского сопротивления».

– То есть «правые» и «левые»...

– Можно сказать и так. Шведский совет по научным исследованиям выделил Томасу деньги на изучение взаимодействия различных социальных движений, в первую очередь с противоположными позициями, то есть конфликтующих.

Страница в моем блокноте все еще чистая. Я «стенографирую»: «Левые – правые», «АФА» – ставлю знак вопроса. Во внутреннем кармане звонит телефон. Я не глядя отменяю вызов. Надеюсь, это не Сэм.

– Хочется спросить, чем все это его так заинтересовало.

– Социальные движения, вы имеете в виду?

– Не совсем. Политические крайности правого и левого толка.

Марика пожимает плечами.

– Томас не делал тайны из своего прошлого... Я о том, что он ведь и сам участвовал когда-то в одном автономном движении. Социологи часто изучают то, что им близко; так или иначе, Томас не был исключением.

– То есть вы знаете о его прошлом в АФА?

– Разумеется. Скажу больше: мне известно, что Томас был осужден за нанесение телесных повреждений и нарушение общественного порядка. Об этом два раза в год мне напоминают письма его «поклонников».

– Что за письма?

– На наш мейл пишут нацисты, расисты и интернет-тролли всех мастей.

Вот оно, забрезжило наконец. Или...

– Расскажите о письмах.

– Вы понимаете, – Марика всплеснула руками, – что в этом нет ничего удивительного. Социологи часто ставят себя в щекотливое положение, когда занимаются политически ангажированными проблемами. Такие письма получают многие. Разумеется, мы принимаем меры – пишем заявления в полицию и тому подобное. Но после Брейвика и Утёйи²⁰, собственно, после того как «Шведские демократы» вошли в риксдаг, противостояние «правых» и «левых» заметно обострилось.

– Когда вы их получали?

– В последний раз где-то в начале осени, но бывало и раньше. При всем понимании, насколько это серьезно, что мы могли сделать? Только переправить их в отдел безопасности, который, в свою очередь, связывался с вами. Что и делали...

– То есть эти письма были от нацистов, расистов и... как вы их там назвали... – я заглянул в блокнот, – интернет-троллей?

– В случае Томаса – да, насколько я понимаю. Конкретные отправители так и не были установлены.

– От нарушителя общественного порядка до социолога... – задумчиво повторил я. – Похоже, с возрастом он поменял политические убеждения.

– Томас оставался на стороне левых, насколько мне известно. Разве что перестал верить в действенность публичных акций. Думаю, он просто стал старше.

– Стал старше?

– Да; иногда одного этого достаточно, чтобы человек изменился. Думаю, Томас просто пытался понять себя прежнего.

– Он все еще был членом этого... АФА?

– Не могу сказать вам этого... Честно говоря, не думаю.

²⁰ Андерс Беринг Брейвик (р. 1979) – норвежский националист, организатор и исполнитель взрыва в центре Осло и нападения на молодежный лагерь правящей Норвежской рабочей партии, располагавшийся на о. Утёйа. В результате терактов погибли 77 человек и 151 получил ранения.

Она взглянула на меня испуганно-удивленно, будто увидела вдруг нарисовавшееся за моей спиной чудовище.

– Его что, действительно убили?

– Да.

– И вы не знаете, кто это сделал?

– Нет, пока не знаем. Пытаемся понять. – Последнюю фразу я проговорил почти по слогам. – Каким он был в последние дни жизни, можете рассказать? Каких-нибудь изменений не заметили?

Она задумалась, скользнув взглядом по корешкам книг на полке.

– Нет, ничего такого...

– Чем он занимался вчера днем?

– Он появился здесь после совещания в девять. Я была на кухне, он пришел позже. Потом сидел у себя в кабинете. Думаю, расшифровывал интервью. Когда я уходила домой, он все еще оставался. Сказал, что у него назначена встреча в половине одиннадцатого.

– С кем – вы не знаете? – на всякий случай переспросил я.

– Нет, как я уже сказала – ни малейшего понятия... Днем, правда, он гулял... с Келе Вальдецем, приятелем. Они часто гуляли вместе в окрестностях университета.

– Каким он был, Томас? Были ли у него друзья, родственники, о которых он говорил?

– Томас был... одиночка. Когда он пришел к нам, у него была девушка. Они расстались. Потом появилась другая, но тоже ненадолго. Его лучшими друзьями оставались коллеги, прежде всего Келе Вальдец. Не думаю, что его успели известить... – Она замолчала. – Келе, я имею в виду...

– Его известили, – возразил я, заглянув в блокнот. – Тем не менее мне хотелось бы поговорить с ним.

* * *

Каждого из нас кто-нибудь да оплатит. Грим часто повторял это, когда в Салеме пропадал кто-нибудь из наших и никому как будто не было до этого дела. Когда умирает человек, непременно найдется кто-то, кто не захочет его отпускать. И он будет мучиться по ночам бессонницей, бродить по улицам, где любил гулять ушедший, и перебирать его вещи в гардеробе. Я спрашиваю себя: кто этот человек в случае Томаса Хебера?

За окнами кабинета Марики Францен перестал падать снег. Город тих, каким он бывает, когда на него смотришь со стороны.

* * *

Вальдец еще не появился, и кабинет Хебера я занимаю первым. Он в половину меньше кабинета Марики Францен, но оборудован не хуже иной квартиры; не хватает разве что плиты и туалета, чтобы можно было поселиться здесь насовсем. Одна стена полностью закрыта книжными полками. Вдоль другой стоят диван и зажатый им в углу широкий письменный стол. На диване подушка и плед. На столе, среди книг и бумажных кип, – компьютер с клавиатурой, принтер и телефон модели восьмидесятых годов.

На двери на крюке висит галстук, похожий на узкий черный язык, и пиджак. Там же – бадминтонные ракетки в чехле. Я шарю в карманах пиджака – ничего.

Над столом заключенный в рамку диплом, удостоверяющий, что работа Томаса Хебера была признана научным сообществом факультета диссертацией года. Рядом – другое свидетельство, о том, что статья Хебера была отмечена Социологическим обществом как лучшее исследование среди молодых социологов. Статья была опубликована в «Британском журнале

социологии» и называлась «Некоторые замечания по поводу отношений между «инсайдерами» и «аутсайдерами» в общественных движениях».

Восходящая звезда, можно сказать. Угасшая на взлете.

Я опускаюсь в кресло, нажимаю кнопку – не тут-то было. Компьютер включается, но система требует пароль. Несколько секунд недоуменно глазею на монитор, потом поднимаю трубку и набираю номер службы технической поддержки, нацарапанный на бумажке рядом с телефоном.

– Мне нужен ваш персональный номер, – монотонно отвечает мужской голос в трубке.

– Мой персональный номер?

– Я должен быть уверен, что вы действительно из полиции.

– А как вы можете быть уверены, что я не дам вам чужой персональный номер?

Мужчина на том конце провода вздыхает, как будто ему приходится выслушивать подобные возражения по сто раз на дню.

– Мне нужен ваш персональный номер, – повторяет он.

* * *

Рабочий стол Хебера пестрит разнообразными папками и документами. Я кликаю наугад. В одних – наброски и черновики статей, в других – учебное расписание, планы выступлений на совещаниях и тому подобная информация, ознакомившись с которой даже полицейский возблагодарит Господа за то, что тот не сделал его академиком.

Одна из папок, помеченная буквой F, содержит другую, озаглавленную Fält²¹, в которой я обнаруживаю множество документов. Один представляет собой столбик чисел, от 1580 до 1602, напротив некоторых стоят аббревиатуры: AFA, RF, FF, P, SM, RAF-S, RAF-V и тому подобные. «Это список тех, у кого он брал интервью», – догадываюсь я, а аббревиатуры – названия организаций, которые представляли эти люди. Другой документ озаглавлен как LOGG²², я открываю его – и по позвоночнику пробегает вибрирующий холодок.

Очевидно, это его дневник. Первые записи в нем – почти двухлетней давности. Тогда Хебер только запустил проект, над которым работал до самой смерти. В документе пятьдесят четыре страницы, последняя запись датирована двенадцатым декабря, то есть вчерашним днем. Я вглядываюсь в текст:

12/12

Встречаюсь с 1599. Возможно, расскажу, что слышал. Хотя пока не знаю. Место встречи все то же, 2230. Я слишком нервничаю, сегодня сделал не так много.

Кликаю на список в предыдущей папке. Напротив 1599 – аббревиатура RAF-S. Я представляю себе, как этот 1599 всаживает нож в спину Хебера, явившегося в условленное место. Интересно, это он или она? Или нет, что-то здесь не стыкуется... Что-тостораживает меня в этой версии. Это все равно как надеть свитер наизнанку: тепло, но что-то не так.

1599, респондент Хебера. Это он появился там первый и ждал социолога за зеленым мусорным контейнером. Потом пришел Хебер, огляделся. И только после этого от погруженного в сумрак переуллка отделилась тень третьего, который всадил в Хебера нож.

Что же получается, 1599 заманил социолога в ловушку? Возможно. Сколько же времени прошло между появлением во внутреннем дворе Хебера и убийством? Секунда? Минута? Успел ли социолог перекинуться с 1599 хотя бы парой фраз? Возможно... хотя, по всей види-

²¹ Поле (шв.).

²² Возможно, от шв. *loggbok* – «вахтенный журнал».

мости, нет. И зачем 1599 позвонил в полицию, если, конечно, это был он? Почему Хебер так нервничал, что он такое услышал? Кто проник потом в его квартиру и оставил столь примечательные следы? Наконец, когда это произошло, до убийства или после?

Каждый из этих вопросов подобен лабиринту. По мере приближения к предполагаемому ответу число версий множится, и мне приходится начинать сначала. Мне нужно переговорить с Бирком, он куда лучший аналитик.

Я посылаю на печать список респондентов и дневник, и то и другое в двух экземплярах. Пока принтер выплевывает бумаги, еще раз взглядываюсь в столбики чисел и аббревиатур. Беру 1599 в кружок.

* * *

Уже перед самым открытием Оскар Сведенхаг понял: что-то не так. Он вошел в кафе «Каиро» через служебный вход, зажег тусклые светильники на потолке и, петляя между столиками, приблизился к барной стойке. Поставил рюкзак на пол, насвистывая, отложил ключи в сторону. Подготовил кофемашину, проверил запас продуктов на день.

Только за несколько минут до открытия Оскар почувствовал, что по залу гуляет сквозняк. Дверь на улицу для посетителей оказалась незапертой. Ручка висела, как будто замок взломали.

Он оглянулся на барную стойку – и там определенно что-то было не так. Но что? Оскар понял это, взглянув на ящик для ножей с выступающей черной рукояткой. Одного ножа не было на месте.

Потом обнаружилось, что из кассы пропали деньги.

Звонить в полицию – вот первое, что пришло бы в голову любому на его месте. Только не Оскару Сведенхагу, предпочитавшему воздерживаться от скоропалительных поступков.

Но насвистывать он перестал.

* * *

Келе Вальдец сидит в своей комнате, склонившись над столом, и читает текст. Темные кудри падают на лицо. На нем черная куртка и такие же черные джинсы, как будто торжества по случаю Дня святой Люции включают похороны.

Последнее, впрочем, вполне уместно. Я прокашливаюсь – он поднимает глаза. В первую секунду его взгляд шокирует меня.

– Доброе утро, – произносит Келе, снимая очки в черной оправе. – Чем могу служить?

– Я из полиции.

– Из полиции? – переспрашивает Вальдец, поднимая одну бровь, так что на лбу образуется морщина. – И в чем же дело?

* * *

Известие о смерти коллеги он воспринял как и следовало ожидать. Голос Келе звучит механически пусто и глухо, как у человека, пережившего серьезное душевное потрясение. Келе Вальдец подтвердил, что вчера они с Хебером прогуливались в окрестностях университета.

– Как он выглядел во время прогулки? Ничего подозрительного не заметили?

– Я... я не знаю... Пожалуй, да. Он выглядел каким-то... обеспокоенным, что ли. Нервным, если вы меня понимаете.

– Кажется, понимаю. – Я киваю. – И все-таки...

– Отвечал как-то уж очень односложно... Как будто мыслями был совсем в другом месте. Я так и не понял, с чем это было связано. Возможно, с работой.

– Вы его об этом не спросили?

– Нет. А что, должен был?

В его глазах блеснула надежда, как будто отрицательный ответ с моей стороны облегчил бы его ношу. Последнее крайне редко происходит на полицейских допросах, преследующих совсем другие цели.

– Нет, – отвечаю я тем не менее, – я так не думаю. Не показалось ли вам, что Томасу Хеберу угрожает опасность?

– То, что ему угрожала опасность, чувствовал не только я. – Келе кивает. – Особенно после бойни на Утёйе. Тогда Томас только закончил свою диссертацию – и сразу оказался в центре внимания, в том числе экстремистов. Журналисты брали у него интервью, он участвовал в дебатах на телевидении. Он стал, так сказать, публичной персоной, а значит, опасен. «Правые» знали его еще со времен АФА, если вы в курсе.

– Я в курсе. Но из того, что я знаю, не совсем понятно, как все могло пойти так далеко... Я имею в виду убийство.

– Я и не говорю, что они его убили. Вы спрашиваете, не угрожала ли Томасу опасность.

– И все-таки, как вы считаете, эти группировки могли пойти на убийство?

– «Правые», вы имеете в виду?

– Да, именно.

Келе складывает руки на груди. Его голос звучит все так же механически, но взгляд оживает, в глазах появляется блеск.

– Нет, я так не думаю. Но вам следует расспросить об этом кого-нибудь другого. Я слишком плохо их знаю.

Я выкладываю на стол LOGG-документ, протягиваю ему.

– Вот что я нашел в его компьютере. Взгляните, особенно на последнюю фразу. Я затрудняюсь ее истолковать.

Келе просматривает первую страницу, поднимает глаза.

– Какое вы имели право это читать? У вас есть разрешение на взлом его компьютера?

– Когда человек умирает такой смертью, как Хебер, рано или поздно у нас появляется разрешение на все, что нам нужно.

– Эти заметки касаются его полевых исследований, это дневник ученого. Можете предъявить мне письменное разрешение?

– Я предъявлю его вам в самое ближайшее время, не волнуйтесь. Но для начала взгляните на последнюю страницу.

Келе нехотя пролистывает документ, читает запись от 12 декабря.

– Этот пятнадцать девяносто девять, должно быть, один из его респондентов, – замечает он, осторожно касаясь бумаги кончиком пальца.

– Похоже, он не просто респондент. И эта запись отличается от остальных, уж слишком эмоциональна.

Келе поднимает на меня глаза.

– Я понятия не имею, что бы это значило. – Он откладывает документ, выглядит расстроенным. – Это личный дневник, у меня нет никакого желания читать его. У вас есть копии?

– Нет, – отвечаю я.

* * *

Счастливой Лючиш.

В лифте, поднимаясь к себе в «убойный отдел», я читаю эсэмэску от Грима.

Пишу ответ:

Не думал, что они оставили тебе мобильник.

Новое сообщение поступает тут же, как будто Грим с мобильником в руке только и ждет от меня весточки. Возможно, так оно и есть: таким, как он, заниматься в клинике Святого Георгия особенно нечем.

Они не оставили, – пишет он. – Я его выкрал.

Смеюсь про себя. Потом звоню в психиатрическое отделение больницы Святого Георгия и советую им как следует просмотреть личные вещи пациента из двадцать второй палаты.

– И еще одно, – добавляю я под конец. – Ничего не буду иметь против того, чтобы пациент знал, кто именно на него наступал.

* * *

В одной из многочисленных комнат для совещаний сидят Бирк, Олауссон и Мауритцон. Последняя – с чашкой дымящегося кофе, который как будто только и не дает ей провалиться в сон.

– У меня двое внуков, – говорит она, – одному два года, другому пять. Когда дочь не справляется, я беру их себе. Их привезут утром, а я ведь почти не спала.

– Мне жаль тебя, – прикрыв глаза, вздыхает Олауссон.

Прокурор Ральф Олауссон нескладный и долговязый. Когда он вздыхает, в носу у него что-то свистит. Он ходит в мятом костюме. Стоит Олауссону ослабить галстук и расстегнуть верхнюю пуговицу, как под рубахой мелькает красный рубец – край здорового шрама на груди.

– Когда подойдут остальные? – спрашиваю я.

– Какие остальные?

– Это что, вся наша команда? Нас должно быть больше как минимум на порядок.

– Пока все, что есть, – меланхолично замечает Олауссон.

– Но ты ведь набираешь людей? Мы не можем вести расследование втроем.

Ральф пожимает плечами. Потом переводит взгляд на свои руки, как будто на текущий момент они для него – самое интересное, что есть в этой комнате.

– Ну... думаю, начнем.

* * *

За полчаса мы прошлись по всему, что известно о смерти Томаса Хебера. Показания других свидетелей подтвердили то, что рассказал мне мальчик Йон Тюрелль. Сначала во дворе появился Томас Хебер, потом еще один человек, предположительно убийца. Последний удалился с места преступления раньше, чем третий, который прятался за мусорным контейнером. Когда же этот третий появился во дворе – неизвестно, потому что этого никто не видел.

Таксист, остановившийся на противоположной стороне Дёбельнгатан, видел, как два человека выходили с заднего двора, но не вместе. Судя по его показаниям, оба покинули место преступления почти сразу после того, как было совершено убийство. В одной из квартир с окнами на Дёбельнгатан страдающая бессонницей дама шестидесяти семи лет поливала цветы. Она видела то же, что и таксист. При этом ни она, ни он не смогли дать более детального описания произошедшему, чем это сделал Йон Тюрелль.

– Ему шесть лет, – задумчиво повторяет Бирк. – Нашему главному свидетелю шесть лет.

– Тем не менее картина событий более-менее восстановлена, – замечает Олауссон.

– Так-то то оно так... – возражаю я. – Но в этой картине полно неясностей.

– Что ж, – замечает Олауссон, – со временем все должно проясниться.

– То есть?

Олауссон обводит наш круг глазами. Лицо его будто оживает.

– По мере того как вы будете продвигаться в своей работе, – поясняет он.

– Но для этого нам нужны люди, – настаивает Бирк.

– Посмотрю, что можно для этого сделать.

Олауссон слабо улыбается. Вопрос можно считать закрытым.

– Думаю, что тот, кто стоял за контейнерами, пробыл там не больше пары минут, – замечает Мауритцон, как будто только для того, чтобы не уснуть. – Об этом свидетельствуют следы на снегу. Их не так много. Кроме того, с большой долей вероятности это была женщина. Тридцать восьмой размер – сколько мужчин носят такую обувь?

– Возможно, я кое-что о нем уже знаю, – встречаю я и вкратце рассказываю о визите к Марике Францен, об исследовательском проекте Хереба и мейлах, которые приходили на электронные адреса института социологии.

– На нем лица не было в последние часы накануне смерти, – добавляю я. – А респондент пятнадцать девяносто девять, вероятно, и есть тот человек, с которым Хебер должен был встретиться на заднем дворе.

Теперь все упирается в дневник Хебера и «полевые исследования».

– Он как будто узнал что-то и сомневался, стоит ли сообщать об этом респонденту пятнадцать девяносто девять. Лично я понятия не имею о том, что это может быть, но, судя по всему, это нечто для нас крайне важное. Я не успел прочитать все, его дневник при мне.

– То есть ты оставил его там, – подает голос Бирк, не поднимая глаз от своего блокнота.

– Да.

– Но ты ведь снял копии?

– Нет.

Олауссон переводит взгляд за окно, глаза по-прежнему полуприкрыты. Мобильник лежит на столе, рядом с папкой, где собраны материалы расследования. Мауритцон просит передать ей папку.

– Вот здесь мы кое-что обнаружили, – говорит она. – В сотне метрах от тела, на Дёбельсгеган.

Она вытаскивает конверт, протягивает Олауссону. Тот удивленно пялится на снимки.

– Блевотина, – констатирует он.

– Да. Мы послали на анализ пробы. Результаты еще не готовы.

– Боюсь, это мое, – спешно встречаю я.

– Твое?

Мауритцон несколько раз переводит взгляд то на меня, то на снимки.

– Похоже, не слишком удачно поужинал, – объясняю я. – А тут еще этот труп... В общем, мне было плохо.

Олауссон недовольно хмыкает.

– Прошу прощения, я должен был сообщить об этом сразу, – добавляю я.

– Как давно ты вышел на работу?

– То есть?

– Я просто спросил. – Олауссон поднимает на меня глаза.

– Сегодня тринадцатый день.

– Понятно. – Он вздыхает.

– Что понятно?

– Ничего. Я же сказал: просто спросил.

Он улыбается, кладет фотографии на стол. Я спрашиваю себя, откуда у него этот шрам на груди. И еще не играет ли он со мной в кошки-мышки и вообще насколько легко он распознает вранье.

– Тогда все это нам не нужно, – делает вывод Мауритцон и убирает снимки в карман. Папка снова переходит к Олауссону.

Бирк избегает смотреть и на меня, и на него.

Они похожи на заговорщиков, и я догадываюсь, что Олауссон все знает.

Я чувствую, как моя спина покрывается потом. Ладони становятся влажными.

– Отпечатки обуви в квартире Хебера. – Я поворачиваюсь к Мауритцон: – Мы работаем с квартирой. Криминалисты должны закончить все уже сегодня. Но там, похоже... ничего нет, кроме этих отпечатков. С большой долей вероятности это не тот человек, который стоял за контейнером на Дёбельнгатан и не сам Хебер. Тот, кто побывал в квартире убитого, носил обувь сорок четвертого размера.

– Убийца вполне мог переобуться, – возражает Олауссон.

– Да, конечно. – Мауритцон стучит по столу костяшками пальцев, и я спрашиваю себя, делает ли она так всегда, когда раздражена. – Но насколько часто убийцы меняют ботинки с тридцать восьмого размера на сорок четвертый?.. В любом случае отпечатки обуви сами по себе бесполезны.

– А что с его мобильником? – спрашиваю я.

– Все еще не найден. – Бирк пролистывает свои бумаги. – Последний исходящий звонок с мобильного Хебера зарегистрирован возле университета, предположительно от получаса до сорока пяти минут до смерти. Но с кем он разговаривал, установить таким образом невозможно. Нам нужен список звонков, чем скорей, тем лучше. Мы вряд ли получим его раньше завтрашнего вечера. В настоящий момент телефон Хебера предположительно отключен. Если он, конечно, не покоится на дне озера Меларен.

– Мы должны найти его, где бы он ни был, – резюмирует Олауссон и поворачивается ко мне. – Так что ты там говорил насчет респондента пятнадцать семьдесят девять?

– Пятнадцать девяносто девять, – поправляю я.

– Хорошо, пусть так, – соглашается Олауссон. – Он ведь вполне может быть убийцей?

– Не думаю, – возражаю я.

– Почему?

– Кое-что не стыкуется.

– Он имеет в виду направление удара, – поясняет Мауритцон. – Если Хебер ждал респондента пятнадцать девяносто девять и явился на встречу раньше его, то вряд ли стоял бы спиной к переулку. Логичнее было бы предположить, что он смотрел в ту сторону, откуда должен был появиться пятнадцать девяносто девять, согласитесь. Если же Хебер вошел во двор позже пятнадцать девяносто девять, тем более маловероятно, что он повернулся к нему задом.

Мобильник Олауссона сигналил. Имя, высветившееся на дисплее, начинается с буквы Г – вот и все, что я успеваю заметить.

– Звучит разумно, – резюмирует Олауссон. – Что ж, будем над этим работать. И выясните, что же такого узнал Хебер. Или... – Он встряхивается и поднимается со стула. – Действуйте, у меня своя работа.

Олауссон захлопывает папку и выходит из комнаты совещаний с ней и прижатым к уху мобильником.

– Он даже не взглянул! – шепотом восклицает Мауритцон. – Я потратила на этот протокол несколько часов.

Бирк, бывший на удивление молчаливым во время совещания, переводит взгляд то на меня, то на Мауритцон, то на стул, словно ошарашенный внезапным уходом Олауссона.

– Чертов идиот, – резюмирует он.

Я поднимаюсь.

– Куда ты? – спрашивает Бирк.

– Так... почитаю немного.

- Копии, которые ты так и не снял?
- Что-то вроде того.
- Бирк косится на Мауритцон, как будто только из опасения, что она уснет.
- Сумасшедший дом, – ворчит он.

* * *

Подкрепившись двумя чашками кофе, я устраиваюсь в своем кабинете с «полевыми заметками» Хебера. Фигура убитого социолога стоит у меня перед глазами темной тенью, которую я прогоняю, пытаюсь сосредоточиться на чтении.

В первых записях чувствуется его неуверенность. Хебер будто движется ощупью. Он намечает возможные направления работы, оперируя терминами, смысл которых не вполне мне ясен.

В январе Хебер налаживает контакты с представителями автономных движений и начинает «полевые исследования». Вот и все, что касается января.

Первые респонденты почему-то обозначены как 1580 и 1581, третий – 1582 и так далее. Хебер пишет, что работает интенсивно, берет по многу интервью в день. Но это пробные интервью, методика, направление исследования только вырабатываются. Собственно, первые «полевые заметки» появляются только в марте месяце.

13/3

После интервью в «Каиро» я попросил 1598 порекомендовать мне кого-нибудь, с кем еще стоило бы поговорить. Он предложил одного человека из RAFA. Контактной информации не предоставил, сказал, что таковой просто не имеется. Но выйти на этого человека несложно, если навести справки в известных кругах. Непременно займусь этим после того, как дочитаю студенческие работы. Надеюсь заполучить таким образом респондента 1599.

Я задумался. С этим 1599 не все так просто. Похоже, это не совсем обычный респондент. Но у него (или нее?) своя сеть контактов – значит, не все так безнадежно. Хеберу, во всяком случае, был нужен человек для опроса – не более.

Три дня спустя ему повезло.

16/3

Контакт с 1599 установлен. Последние несколько дней я только и занимался тем, что искал ее. 1599 не имеет ни постоянного жилья, ни работы – ничего. Не думаю, что она от кого-то скрывается, просто предпочитает такой образ жизни. Так или иначе, она согласилась. Завтра мы встречаемся в студии.

Итак, это женщина. Запись от 17 марта отсутствует. Заметка о встрече с 1599 датирована восемнадцатым числом. И она совсем короткая.

18/3

Респондентка 1599 припозднилась, но не разочаровала. Она вдохновляет меня на новые идеи. С другой стороны, подтвердилось кое-что сказанное другими IP. Надеюсь, наша беседа не окончена, мне нужно встретиться с ней по крайней мере еще раз.

Далее 1599 пропадает из дневника почти на полгода. Во всяком случае, прямых упоминаний о ней нет. Но после беседы с ней тон заметок меняется. С одной стороны, становится уверенней, как будто Хебер определяется наконец с направлением работы. С другой – все чаще мелькают фразы, прямого отношения к исследованию не имеющие. В конце очередной заметки

Хебер выражает намерение «на время забыть о проекте». Сходить куда-нибудь поесть с коллегами, поучаствовать в дебатах, наконец заняться студентами. Он планирует читать лекции политикам и активистам общественных движений. Последнее может вдохновить на новые идеи касательно работы. Время от времени Хебер замечает с сожалением, что коллеги никак не могут забыть о его политическом прошлом, от которого сам он давно отрекся.

15/6

Двенадцатая годовщина беспорядков в Гётеборге. Чему они могут научить нас, стокгольмцев? Я прочитал об этом серию лекций. Как всегда, для студентов, политиков, представителей власти. И, как всегда, аудиторно больше интересовало мое политическое прошлое, нежели научные изыскания. Чертов Антифашистский фронт... Когда я наконец развяжусь с ним! Я спрашиваю себя, насколько все это сейчас важно для меня и моей работы. Что бы сказали об этом мои респонденты? Что сказала бы 1599?

Теперь я отчетливо представляю себе Хебера. Вот он стоит, повернувшись лицом к востоку, где-то на Биргерярлсгатан или Васагатан, где здания – безликие великаны из стекла и бетона. Лето. Жара. Солнце светит ему в спину. Мимо течет сплошной автомобильный поток. Потом он разворачивается к солнцу, и я наконец вижу его лицо. Теперь Томас Хебер не просто силуэт, он человек.

Каждого из нас кто-нибудь да оплатит.

В следующий раз она упоминается только в ноябрьских записях.

25/11

Есть много такого, что мне следовало бы записать, чтобы не забыть, но я не уверен, что могу доверить это бумаге. С другой стороны, могу ли я настолько доверять своей голове, чтобы держать это только в ней?

1599 наконец объявилась. Некоторое время я ее сторонился (интересно, заметила ли она это?), потому что так дальше продолжаться не может. Все это слишком рискованно. С другой стороны, что-то в ней меня восхищает. Она спросила, почему я не связался с ней, как обещал, и я не нашел лучшего ответа, кроме как извиниться перед ней.

«Нам надо встретиться», – сказала она. «Не возражаю, – ответил я. – Только зачем?» «Увидишь», – и дала отбой.

Последующие записи умалчивают о том, что же такого сказала 1599 Хеберу. Напрасно я листал страницы. В следующий раз 1599 упоминалась неделю спустя, и то мимоходом.

5/12

Не слишком ли я ей доверяю? Я полагаюсь на свою интуицию, но это полное сумасшествие. Это не может быть правдой. Она советует поговорить с Х. Попробую на него выйти.

Мало-помалу я приближаюсь к концу. Перед последней записью накануне встречи на заднем дворе 1599 упоминается всего несколько раз.

7/12

1599. Наплевать на все этические принципы и обратиться в полицию – чем не выход? Пытался добраться до Х – безуспешно.

Я пробегаю глазами следующую запись – и по спине пробегают холода.

7/12 (продолжение)

Послеобеденное интервью с 1601 меня просто ошеломило. Респондент не разрешил мне пользоваться диктофоном, пришлось прибегнуть к помощи шариковой ручки. Где-то в середине беседы он спросил, дошли ли до меня последние сплетни. «Нет», – ответил я. Я думал, он повторит то, что уже рассказала мне 1599, но ошибся.

Блокнот не при мне, поэтому воспроизвожу нашу беседу по памяти. За точность цитирования не ручаюсь.

Я: То есть ты полагаешь, что кто-то может пойти на это?

1601: Да.

Я: Но почему?

1601: Потому что чаша терпения переполнена, ненависть бьет ключом. Их предали – вот как они это понимают. Разве этого недостаточно?

Я: Возможно. Но зайти так далеко... Согласись, звучит ужасно.

1601 (пожимает плечами):...

Я: Ты можешь помешать этому?

1601: Не рискну. Большие мне сказать тебе нечего, потому что никому не известно, где и когда это будет. Я и так наболтал достаточно. И потом, если кто-нибудь...

Я: Никто, это я тебе обещаю.

1601 (после долгой паузы): Я знаю, кто должен это сделать.

Он дал мне координаты. С этим человеком я должен был связаться при первой возможности, но не решаюсь ни звонить, ни писать на электронную почту. Сомневаюсь, что он ответит, если узнает, что это я.

Следующая запись датирована двумя днями позже. Речь идет все о том же 1601, но Хебер уж очень расплывчат в формулировках.

9/12

Я вышел на него. Уговаривал встретиться, поговорить – безуспешно. Не знаю, что делать.

10/12

1599 говорит одно, 1601 – другое. Я не знаю, кому верить. Может, обоим? Времени на собственные разыскания нет, остается полиция. Обратись я туда, нарушу нашу договоренность с 1599. Я не могу этого сделать. Между тем X все так же недоступен.

11/12

Наконец я встретился с X, в кафе «Каиро». Поджидая его в углу с чашкой кофе, засомневался, насколько могу ему доверять. Мне страшно оставаться одному, все слишком серьезно. Я не знаю, какой из двух сценариев верен и насколько широк круг посвященных.

11/12 (продолжение)

X появился спустя час. Я отвел его в угол и рассказал все. Имен не называл из этических соображений. Я хотел видеть его реакцию.

Сценарий 1599 ему известен, я понял это сразу. Но, выслушав его в моем изложении, он оторопел. Из этических соображений я не назвал имени исполнителя, только их цель. Я спросил, может ли он проверить эту информацию. Я нервничал. Меня мучил стыд – ведь я нарушил договор о неразглашении, по крайней мере в отношении 1601. Я ведь обещал – никому. X оставил мой вопрос без ответа. Просто покинул кафе.

12/12

Встречаюсь с 1599. Возможно, расскажу, что слышал. Хотя пока не знаю. Место встречи все то же, 2230. Я слишком нервничаю, сегодня сделал не так много.

Я беру список респондентов. В нем две колонки. Каждому номеру соответствует аббревиатура организации, которую он представляет, но напротив 1601 стоит прочерк. Что бы это значило? Другой вопрос: кто такой X? Совсем не обязательно один из его респондентов; может, просто завсегдатай кафе «Каиро»... В противном случае у него тоже был бы номер. Похоже, X. – это инициал или первая буква фамилии.

* * *

Стук в дверь – Бирк. Входит, не дождавшись разрешения. Я спешно беру с полки первую попавшуюся книгу, кладу на распечатку и демонстративно погружаюсь в чтение.

– Занят?

– Сейчас собираюсь идти.

– Решил просветиться? – Бирк косится на увесистый том. – «Каталогизация доказательств в вычислительно-аналитических машинах, издание 1980 года, исправленное и дополненное»... Ностальгируешь?

Я мычу в ответ что-то неопределенное.

– Тебя, поди, в восьмидесятом году и на свете не было.

Бирк вытаскивает деревянный стул. Садится. Вздыхает, опустив широкие плечи.

– Олауссон, – наконец произносит он. – Нам нужно о нем поговорить.

– Хорошо. – Я поднимаю голову.

– После совещания я пошел в буфет, но ты ведь знаешь, какие у нас тонкие стены... В туалете кто-то разговаривал по мобильному. Он пустил струю из крана, чтобы не было так слышно.

– Ну?

Бирк вздыхает.

– Собственно, слышал я не так много, только самый конец. «Я только с совещания, – говорил мужской голос. – Один из них, Барк, что ли, не представляет проблемы. Речь о другом. И я думаю, что тот, другой, и есть самое слабое звено в цепи». После этого он замолчал и прикрутил воду.

– Барк, – повторил я, чувствуя, как дергаются уголки губ, словно в невольной усмешке. – Звучит лучше, чем «Бирк».

Похоже, шутка не показалась ему удачной.

– То есть ты не представляешь для него проблемы. Он так сказал?

– Именно так. И то, что насчет тебя он не так уверен. Он считает тебя слабым звеном...

Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять после этого, кто это «он».

– Но я чист... Я спокоен.

– Нет, ты не спокоен.

– Но...

Бирк вздыхает.

– Он наш начальник, – поясняет он. – О каких проблемах он говорит?.. И почему не дает больше людей?

– Бог его знает. Может, он ждет, что управление лена или даже государственное полицейское управление в скором времени возьмет дело в свои руки, и просто не хочет отвлекать людей, которые сейчас заняты другими расследованиями. Или же у него действительно больше никого нет.

Бирк проводит ладонью по волосам, зевает, несколько раз моргает на лампу.

– Мне показалось, ты должен это знать, – говорит он. – Держи ухо остро. С Олауссоном что-то не так. С этим расследованием вообще что-то не так.

Он поднимается, пялится на стул. Корчит оскорбленную гримасу.

– Черт... что за рухлядь?.. Если узнаешь что новое об этом... пятнадцать девяносто девять, – Бирк кивает на раскрытый поверх распечатки том, – звони мне.

Я захопываю «Каталогизацию доказательств».

– Думаю прогуляться в «Каиро». Помнишь, мы нашли в квартире квитанцию из кафе? Оно упоминается и в других бумагах, с которых я не снял копий.

– Отлично.

– Не хочешь составить мне компанию?

На мгновение я прикрываю глаза. Представляю себе, как появляюсь в дверях кафе в компании такого матерого полицейского волка, как Бирк. Чем это может быть чревато?

– Занят. – Бирк размахивает перед моим носом мобильником. – Вскрытие Хебера.

– Приходи, как освободишься.

– Только без глупостей там, в «Каиро», – напутствует Бирк.

Что ж, я всегда верен своим привычкам.

* * *

Митисгатан – узенькая улочка длиной всего в один квартал. Напротив меня в снежном тумане сгрудились старые пятиэтажки. Я ступаю на пешеходный переход, не вынимая рук из карманов. Мерзну.

Упираюсь в темно-зеленую дверь вровень с мостовой. Она настолько обшарпана и безлика, что можно подумать, что за ней кладовая. Но наверху неброская вывеска: «Каиро».

Я нажимаю на ручку. Тяжелая дверь поддается со скрипом, напоминая дряхлого старика, внезапно вырванного из привычного полусонного состояния. Это кафе легко не заметить среди множества прочих. Но попавший сюда однажды больше не перепутает его ни с каким другим.

Кафе «Каиро» – приют автономных субкультур, в первую очередь маргинальных. Зал довольно просторный. Деревянные стены и пол выкрашены в черный и красный цвета. Под потолком висят баннеры и транспаранты всевозможных демонстраций – не то реликвии, не то трофеи. На стене взятая в рамку черно-белая фотография: демонстрант в маске бросает булыжник в стену полицейского участка на улице Авеню в Гётеборге.

Народ рассредоточен по просторному залу так, что тот кажется пустым. Но, войдя, я чувствую на себе их взгляды, начинаю различать молодых мужчин и женщин с серьезными лицами. По радио передают новости. Ручка на входной двери висит: сломана.

Я чужой здесь; достаточно взглянуть на меня, чтобы понять это. Я произвожу впечатление человека при деньгах, но не имеющего времени выстирать себе рубашку. Я полицейский, здешняя публика чует нас за версту. Я не разделяю их убеждений: ни озабоченности тем, на что еще готов пойти правящий класс во имя своих сомнительных ценностей капитализма, ни ненависти к меховой индустрии и патриархату. И вообще, я никто, потому что бездействую. Или просто потому, что не являюсь одним из них.

За барной стойкой мужчина моих лет – огромный, как входная дверь. У него короткие темные волосы, с правой стороны груди пришпилен значок RAF – красные буквы на черном фоне. В руках – наполненная чем-то вязким форма для выпечки.

– Мы не обслуживаем копов, – сообщает он, глядя на меня серыми глазами. Я замечаю у него на подбородке нечто вроде экземы – кроваво-красное, глянцево блестящее пятно. Он ставит форму для выпечки на барную стойку. – Иди на Хантверкаргатан.

– Что, так заметно? – спрашиваю я.

– Что ты коп? Да. Ты по поводу двери? – спрашивает он.

– Двери?

– Да, кто-то взломал ее ночью. Она была открыта, когда я пришел.

– То есть к вам вломились... В полицию заявляли?

– Нет.

– Тогда как бы я об этом узнал?

– Когда дело касается нас, идиотов звонить в полицию всегда находится достаточно.

Полагаю, вы уже слышаны об этом. – Он кивает на дверь.

– Нет, – отвечаю я. – Собственно, я пришел поговорить о Томасе Хебере. – Пауза. – Вы ведь знаете, что он мертв?

– Узнали сегодня утром.

– А вам известно, как он умер?

– Я же сказал: узнали сегодня утром.

– Кого вы имеете в виду, когда говорите «узнали»?

Он пожимает плечами.

– Собственно, как вас зовут? – спрашиваю я.

– А тебя?

– Лео Юнкер.

Я протягиваю ему руку. Мужчина, помедлив, протягивает свою – угловатую и квадратную, как кусок доски.

– Оскар, – представляется он. – Оскар Сведенхаг.

– Я всего лишь хочу задать вам несколько вопросов.

На меня как будто никто не смотрит, тем не менее я чувствую на себе их взгляды.

– Мы можем побеседовать в более уединенном месте?

– А здесь чем плохо? – Оскар косится на пустой кофейник. – Одну минуту, – исчезает в покоем на овальную арку проеме и несколько секунд спустя появляется снова, с полным кофейником. – Хочешь?

– Спасибо. – Вглядываюсь в округлый кусочек пластика на его груди. – RAF. – Я отчетливо выговариваю каждую букву, не будучи уверенным, что их надо произносить именно так. – Это *Royal air force*²³ или что-то другое?

– R-A-F, – медленно повторяет Оскар. – Радикальный антифашистский фронт.

– А что такое радикальный антифашизм? – спрашиваю я. – Что-то вроде AFA?

Он смеется надо мной, как над ребенком, сказавшим несусветную глупость.

– Ну... что-то вроде того.

– А что такое RAF-V?

– Это тебе знать совсем необязательно.

– Я так не думаю.

Оскар делает большие глаза, моргает – подает знаки кому-то за моей спиной. Потом снова оборачивается ко мне:

– Только не надо повышать голос. Я не выношу шума, тебе понятно?

Усаживаюсь, кладу локти на барную стойку, вдыхаю запах кофе. Может, все-таки взять чашку-другую?

– Мы хотим выйти на предполагаемого свидетеля по этому делу. Это женщина, и она состоит в RAF.

– В стокгольмском отделении RAF больше сотни активистов, – сообщает Оскар. – Примерно треть их – женщины. Нужно еще что-нибудь...

Он все так же невозмутим, но глаза забегали. Нет, что-то не так с этим Оскаром.

– Ты ведь наверняка знал его, – говорю я. – Ты и Томас, вы были знакомы?

²³ Королевские военно-воздушные силы (англ.).

Оскар склоняет голову набок, будто размышляет, как будет правильнее на это ответить.
– Мы не были знакомы, но я знал, кто он.
– Точно не были? – Я смотрю ему в глаза.
– Слушай, убирайся-ка ты отсюда. – Он ставит кофейник на стойку. – Люди смотрят...
– Но ты сам выбрал побеседовать здесь, – говорю я. – А то можем прогуляться до бункера...

Он улыбается, поворачивается ко мне спиной. Ставит форму на посудный столик. Чистит раковину, над которой висит ящик для ножей. Я вглядываюсь в блестящие стальные лезвия.

– И много у вас обычно посетителей?

– То есть?

– Я просто спросил.

Он снова молчит, потом отвечает рассеянно, размахивая руками:

– Да, обычно много... Я понятия не имею, куда он подевался.

Оскар имеет в виду недостающий нож. Не тот ли самый, который всадили Хеберу в спину? Я пытаюсь разглядеть его обувь. Вполне возможно, что она сорок четвертого размера.

– Слушай, – он снова поворачивается ко мне, – тебе меня не запугать, ты понял? Здесь вообще никто ничего не боится, и меньше всего – таких отвратительных копов, как ты.

– Отвратительных? Это что-то новое...

– Тебе ведь нравится твоя работа, так?

– Ничего не имею против нее, – честно признаюсь ему.

– Заметно.

– То есть?

– Тебе нравится донимать людей, это заметно. Задавать им дурацкие вопросы.

– Мне не нравится, когда люди режут друг друга ножами.

На мгновение Оскар замирает. Я наблюдал подобное много раз. Как человек вдруг меняется в лице, когда понимает, что дело касается его напрямую. Он откладывает губку. На моих глазах крепкий мужчина превращается в беззащитного, готового расплакаться ребенка.

– Я всего лишь прошу тебя ответить на несколько вопросов, – повторяю я. – Сделай это – и я оставлю тебя в покое.

Оскар прикусывает нижнюю губу. Красное пятно на подбородке вытягивается.

– Что именно я должен тебе рассказать?

– Все, что знаешь.

Квадратные плечи опускаются. Фигура Оскара никнет, как будто из него вдруг выкачали воздух.

– Мы познакомились в Гётеборге, во время массовых протестов, почти тринадцать лет тому назад, – начинает он. – Принадлежали к разным фракциям, но внутри одной сети и снимали жилье у одного парня.

После Гётеборга они сдружились, во всяком случае, общались довольно тесно. Разошлись несколько лет тому назад, когда Томас ушел в науку, а Оскар устроился работать в кафе «Каиро» и некоторое время оставался в AFA, пока не перешел в RAF.

– Томас занимался социологическими исследованиями накануне смерти, – говорю я. – У тебя он тоже брал интервью?

– Брал. – Оскар кивает. – И я одно время помогал ему искать людей для новых интервью. Но Томас давно отошел от политики, от публичных акций, по крайней мере. Поэтому новых членов RAF он не знал, равно как и они его.

– Одно время? – переспрашиваю я.

Оскар вздыхает:

– Да... До того Томас справлялся без меня, он так и говорил.

Он достает из шкафа чашку, наливает кофе. Чашка белая, с черной надписью: I'D TRADE MY BOYFRIEND FOR A TRUE DEMOCRACY²⁴.

– Но не в тот раз. Тогда ему потребовалась моя помощь.

– А ты знаешь кого-нибудь, кто еще помогал ему?

– Я спрашивал Томаса об этом... Но нет, в том, что касалось информации, он умел держать язык за зубами. Он объяснил, что все источники останутся анонимными. Это касалось и меня и было связано с нашей безопасностью. Он присвоил мне номер...

– Какой?

– Что «какой»?

– Какой номер он тебе присвоил?

– Пятнадцать восемьдесят четыре. – Оскар делает глоток из чашки, снова поглядывает на кого-то за моей спиной. – Эти исследователи – скрытный народ... Похуже АФА...

– А как у Томаса было с личной жизнью, не в курсе? – Я доверительно наклоняюсь к нему, почесывая щеку.

– А что с личной? – недоумевает Оскар.

– Ну как... мужчина в его возрасте обычно... хотя бы думает о том, чтобы связать себя с кем-нибудь на остаток жизни. Как с этим обстояло у Томаса... претендентки были?

– Без понятия... Я о них ничего не знал, по крайней мере.

– А сюда он... заходил?

– «Заходил» – неправильное слово. Бывал изредка.

– У меня есть кассовый чек, из которого явно следует, что Томас Хебер был у вас на днях, а именно одиннадцатого числа. Есть основания полагать, что он встречался здесь кое с кем, чье имя или фамилия начинается на букву «Х». Ты в тот день работал?

– Нет, я приехал домой только вечером, из Йончёпинга. Там была демонстрация.

– А кто работал в тот день, можешь навести справки?

– Ну... у нас нет бумаги с графиком, если ты это имеешь в виду. Придется обзванивать коллег, а мне сейчас некогда.

– А посетители? – Я киваю на зал. – Из них кто-нибудь мог быть здесь в тот день?

– Спроси их об этом сам, если хочешь. Но советую тщательно подбирать выражения.

Я поворачиваюсь к залу. Люди за столиками заняты едой и разговорами. Несколько человек читают. Среди последних я выделяю мужчину с большой головой и маленькими, но по виду крепкими руками. На нем сине-серая кожаная куртка с приколотым на груди значком RAF.

– Интересная книга? – спрашиваю я его.

– Какого черта тебе нужно?

– Поговорить.

– Не расположен. – Он качает головой.

– Даже если так... – Я устало вздыхаю, он поднимает глаза от книги. – Как насчет того, чтобы прогуляться со мной до бункера?

В зале воцаряется мертвая тишина. Где-то за моей спиной вздыхает Оскар. За окном останавливается автомобиль. Маленький человек откладывает книгу в сторону, поднимается. Круглые, широко расставленные глаза делают его похожим на птицу.

– Что ты о себе возомнил, в конце концов...

Он на голову ниже меня, но это не имеет никакого значения. За его спиной поднимаются еще четверо, пятеро... Шаркают ножки стульев. Они окружают меня со всех сторон и смотрят, как смотрят на насекомое перед тем, как его прихлопнуть.

Маленький человек делает шаг вперед и бьет меня кулаком в живот. Я чувствую, как из меня выходит воздух, падаю на колени, задыхаюсь. Над моей головой раздается смех. Я

²⁴ Я бы променяла своего парня на настоящую демократию (англ.).

пытаюсь подняться. С невероятным трудом, но это мне удастся. Краем глаза замечаю, как в углу зала кто-то встает из-за стола и выскальзывает за дверь. Как будто женщина. Я опускаю глаза, жадно глотаю воздух. Все кончено. Круг мужчин все теснее. Я задеваю их руками, они наступают мне на ноги.

При этом я не чувствую их ненависти или злобы. Скорее любопытство, желание узнать поскорей, чем кончится этот спектакль.

– Твоя очередь, – обращается коротышка к одному из них.

И в этот момент происходит нечто непредвиденное. Дверь заведения распахивается, и в зале появляется Бирк. Он держит руки в карманах пальто, в глазах его – любопытство. Полицейский – в слишком дорогом костюме и с профилем настолько резко очерченным, что вприору чеканить на монетах.

Оглядев собрание, Бирк останавливает взгляд на моей голове, мелькающей за широкими плечами моих мучителей. Подходит ближе, вынимает руки из карманов.

– Всё в порядке? – спрашивает он.

– Ну... более-менее, – отвечаю я, не узнавая в этом свистящем хрипе своего голоса.

– Я прошу вас немедленно покинуть зал, – провозглашает Оскар из-за барной стойки.

– Что ж, звучит разумно, – соглашается Бирк.

Я поворачиваюсь к стойке, пытаюсь поймать взгляд Оскара.

– Позвони мне, – кричу я ему как могу громко.

И в следующий момент обнаруживаю, что стою на улице, возле зеленой двери.

Интересно, слышал ли Оскар мою просьбу?

* * *

– Я ведь предупреждал тебя, – ворчит над ухом Бирк. – Без глупостей...

– Я помню.

Трогаю свой живот. Он стал совершенно нечувствительным от одного-единственного удара коротышки.

– Прости...

– Вот по этой самой причине я и не люблю с тобой работать, – продолжает Бирк. – Ты совершенно непредсказуем.

– Прости, – повторяю я.

– Черт с тобой... Сигаретки не найдется?

Я достаю пачку, вытряхиваю сигарету, прячу глаза. Вместе мы усаживаемся в его «Ситроен», источающий узнаваемый запах дорогой кожи, парфюмерии и зимы.

– Ты должен будешь написать заявление, – говорит Бирк. – Избиение полицейского при исполнении... Маленький левый экстремист свое получит.

Я качаю головой.

– Нам нужно наладить хорошую связь с ними. Если я напишу заявление, все будет кончено. Они нас возненавидят. Ты не заметил, кто выскочил из кафе почти одновременно с тем, как ты вошел?

– Женщина, – отвечает Бирк.

– Ты разглядел ее, хоть немного?

– Да нет... – Он пожимает плечами.

– Мне кажется, это была наша свидетельница, пятнадцать девяносто девять.

– С чего ты взял?

– Да просто... такое чувство.

– Чувство, – повторяет Бирк и презрительно хмыкает. – Не лучший ориентир для полицейского.

- Я задумываюсь. Что ж, возможно, доля правды в этих словах есть.
- Он назвал меня отвратительным копом.
 - Кто?
 - Тот, который попросил нас выйти.
- Бирк вздыхает:
- Он прав, все мы такие.

* * *

Вскрытие подтвердило, что Томас Хебер умер от удара ножом в спину. Лезвие было довольно длинное, между двенадцатью и пятнадцатью сантиметрами, частично рифленое. Всадив, убийца повернул его в ране на девяносто градусов, разорвав при этом какие-то важные артерии в области сердца, названий которых Бирк не запомнил. Выводы патологоанатомов были однозначны: преступник знал, что делал, и Хебер оставался без сознания всего несколько секунд, от силы полминуты. Спустя одну, максимум две минуты он был мертв.

За несколько часов до смерти Томас Хебер пил кофе и ел сэндвич, непереваженные остатки которого были обнаружены в его желудке.

– Кто проводил вскрытие?

– Хан, по счастью... Именно поэтому я так хотел присутствовать при вскрытии. Если бы в теле было что-то ценное, Хан обязательно обнаружил бы это.

Но ничего «ценного», выражаясь словами Бирка, в теле Томаса Хебера не оказалось: ни фрагментов кожи преступника, ни волокон – ничего. Кое-что удалось найти на его одежде, но совсем немного. «Основная часть материала утрачена вследствие неблагоприятных метеословий», как выразилась Мауритзон в рапорте, который Бирк успел просмотреть.

Тем не менее на плече убитого осталось немного волокон ткани. Предположительно от перчатки, хотя даже это пока не удалось установить точно.

– «Вследствие неблагоприятных метеословий», – повторяю я.

– То есть виновата погода, – уточняет Бирк.

– А на каком плече?

– Что?

– На каком плече следы волокон?

– На левом.

– Вот как, – говорю я. – Значит, преступник подошел сзади и положил левую руку на плечо Хеберу, по сути опершись на него, прежде чем нанести удар.

– Возможно, – соглашается Бирк.

– Это мои предположения, – поясняю я.

Бирк паркует автомобиль в гараже при участке. Он выключает мотор, расстегивает ремень безопасности, но остается сидеть. И говорит:

– Я «гуглил» насчет Хебера. Не считая пары профилей на наци-форумах, все на удивление тихо.

– И что в профилях?

– Ничего нового. АФА, судимость, ученый, социолог... и бла-бла-бла... Я думал было связаться с автором профиля, но вовремя понял, что это пустая трата времени.

– Да, похоже на то.

Люминисцентные лампы мигают, отчего низкий потолок гаража как будто опускается еще ниже. Я спрашиваю себя, успеем ли мы выскочить наружу, если одна из опор не выдержит и потолок обрушится. Подобные мысли в последнее время навещают меня все чаще. Я никому о них не рассказываю.

– Здесь что-то не так, – говорю я.

- Опять предчувствия?
- Бирк замолкает надолго, а потом добавляет:
- У меня тоже.

* * *

Перед дверью моего кабинета стоит мужчина в черном костюме и белой рубашке с узким черным галстуком. Его светлые волосы зачесаны назад. Издали мужчина выглядит совсем неплохо, но вблизи замечаешь складки и неопрятные пятна на костюме и то, что крашенные волосы у корней седые. Он выглядит как человек, решительно на что-то настроенный, но забывший, на что. Увидев меня, мужчина слабо улыбается и вынимает руку из кармана брюк.

– Лео Юнкер, не так ли?

– Он самый.

Я пожимаю его сухую, холодную ладонь.

– А вы?..

– Пауль Гофман.

– Гофман... – повторяю я. – Что-то знакомое.

– Найдется для меня минутка? – спрашивает он.

– Вы работаете в полиции?

– Можно сказать и так.

Он косится на запертую дверь.

– Может, поговорим там? Я не займу у вас много времени.

– Я очень занят. Собственно, о чем пойдет речь?

– Видите ли... я здесь, чтобы помочь вам.

Я так и замираю на месте.

– Помочь? Мне? В каком это смысле, интересно?

– В самом прямом. – Он быстро моргает, переводя взгляд то на ключ, уже вставленный в замочную скважину, то на меня. – Речь пойдет о Томасе Хебере.

Ах вот оно что... Значит, подоспело подкрепление.

Взгляд у Гофмана пронзительно-ясный, отчего голубые глаза кажутся почти белыми. Точнее, прозрачно-голубыми, как сверкающий на солнце лед. Мне не нравится этот цвет.

* * *

Его взгляд скользит по комнате, от стены к стене. Как будто, изучая интерьер, господин Гофман рассчитывает больше узнать о хозяине кабинета. Напрасно. Едва ли в этой обстановке отыщется деталь, проливающая свет на мою индивидуальность. Кроме разве что кофейной чашки или пустой пачки из-под сигарет.

– Тринадцать дней назад я приступил к работе после вынужденного отпуска, – говорю я, словно это обстоятельство должно каким-то образом меня извинить.

– Я знаю, – отзывается Гофман и кладет ладонь на спинку деревянного стула. – Присесть можно?

– Разумеется.

Мужчина осторожно усаживается на стул, как будто сомневается, что тот его выдержит.

– Итак, Томас Хебер, – говорю я, усаживаясь напротив.

– Именно так. – Мужчина кивает и меняет позу, как будто только сейчас вспомнил о том, зачем пришел. – Видите ли, нам хотелось бы взять это дело в свои руки.

– Нам? – Я ничего не понимаю. – Кому это «нам»?

– Разве я не сказал?

– Вы из госуправления?

– Простите... – Гофман нехорошо усмехается, качает головой. – Я был уверен, что вы знаете. Видите ли, сегодня я почти не спал, и потому... Управление внутренних дел...

– СЭПО?

Мне не следовало бы так кричать. Гофман изображает смущение.

– Именно так.

Не так давно они переехали из Большого Дома в новые апартаменты в Сольне. Он говорит «управление внутренних дел» – стало быть, работает там давно.

– Понимаю. – Я киваю.

– Не сомневался, что вы меня поймете. Стало быть, этим делом будем заниматься мы.

– Вы?

– Именно так.

– То есть в этом есть необходимость.

Гофман смотрит на меня. Он похож на шахматиста, пытающегося угадать следующий ход противника. Таким он, по крайней мере, желает выглядеть в моих глазах.

– Именно так, – повторяет визитер.

Я кладу локти на край стола. Чувствую колющую боль в животе – вероятно, последствия удара в кафе «Каиро».

– Но в чем причина? – спрашиваю я его. – Чем именно интересно вам это дело?

– Вы же понимаете, что я не могу обсуждать с вами этот вопрос.

– Но... вы уже говорили с моим начальством?

– Разумеется.

– С кем? Олауссон в курсе?

– Он в курсе и уже передал нам бразды правления. Мы поставим вместо него своего человека.

Я смотрю на пустую пачку из-под сигарет. Беру ее, сминая в руке и бросаю в мусорную корзину.

– Вам следует обсудить это с Бирком. Это ведь он...

– Конечно, и с Габриэлем тоже. – Гофман кивает.

Я не люблю, когда меня перебивают. Недоуменно смотрю на Гофмана, но тому, похоже, нет до моих чувств никакого дела.

– Что же такого есть в деле Хебера, что делает его для вас таким важным?

– О-о-о... – Гофман улыбается, обнажая ровные белые зубы, закидывает ногу на ногу и грозит мне указательным пальцем. – Вы хитрец... Я же сказал, что не могу обсуждать с вами это.

– Ну а если не вдаваясь в подробности?

Я стараюсь держаться того же шуточного тона, подавляя невыносимое желание двинуть гостью в физиономию.

– Я и не прошу вас обсуждать со мной что-либо. Просто в двух словах объяснить причину.

– Вы правы, – неожиданно соглашается Гофман и сразу становится серьезным. – Простите, но этот стул ужасно неудобный.

– Полагаю, что и это неспроста.

– Разумеется. Так оно и должно быть... Ничего, если я продолжу разговор стоя?

– Как вам будет угодно.

Гофман поднимается – он смотрит на удивление высоким в своем мятом костюме, – проводит ладонью по волосам и оглядывается на стул.

– Если хотите, чтобы человек чувствовал себя неудобно, наденьте на него брюки без карманов. Принцип тот же.

– Что вы имеете в виду?

– Люди, которым неуютно, быстрее раскалываются, не так ли? Они не заботятся о том, чтобы скрывать свои мысли. – Он всплескивает руками. – Ну... как бы там ни было... Хебер был активным членом левых группировок, вам это известно не хуже меня... Потом остепенился, занялся чем-то вроде науки. Исследователь в университете... – Гофман презрительно хмыкнул. – И вы знаете, что он исследовал: социальные движения левого толка. То есть себя прежнего. Пока кое-кто не всадил нож ему в спину, так? И вы полагаете, что это случайность?

– Я полагаю, – в тон ему отвечаю я, – что вы, как человек вежливый, хотите убедить меня в том, что я знаю не меньше вас. На самом же деле вы компетентны куда более меня.

Гофман смотрит на меня с недоумением:

– И что же такое мне, по-вашему, такое известно? О чем вы?

– Всё о том же. О причинах, по которым вы хотите забрать у нас это дело. То, что вы мне здесь наговорили, не более чем отговорки. Такими убийствами мы занимались и раньше.

– А-а-а... Вы все-таки хотите подробности...

Гофман поднимает указательный палец. Пальцы у него длинные и гибкие, как у карманного вора или иллюзиониста.

– Раз уж вы забираете у меня это расследование, мне хотелось бы знать причину.

Гофман опускает руку, засовывает ее в карман и принимается бродить по комнате, как будто моя просьба его нервирует.

– Но я не должен и не хочу объяснять вам это. Кроме того, вы исходите из неверных предпосылок. Нет никаких «вы» и «мы». Есть только «мы», поскольку и я, и вы делаем общее дело.

– Но это вы задали такой тон, – возражаю я.

Гофман останавливается, дергает плечом.

– У вас нет выбора, – говорит он. В его голосе звучит сожаление, но как будто наигранное, граничащее с насмешкой.

– Ваших слов недостаточно, – продолжаю я. – Я хотел бы взглянуть на бумаги СЭПО, обоснование, или что там у вас...

– Разумеется, бумаги имеются, – снова перебивает меня Гофман, – иначе я не стоял бы здесь, перед вами. Но они не при мне.

– Жаль, – вздыхаю я.

– Дайте мне материалы предварительного расследования, – настаивает он. – Это сэкономит время.

– У меня их нет, – отвечаю я. – Всё у Бирка.

Гофман недоверчиво хмыкает.

– В таком случае пришлите мне их с посыльным. – Он открывает дверь. – Счастливой Лючии!

– Кто он? – бросаю я ему в спину.

Гофман замирает на пороге кабинета.

– Простите, не понял.

– Смерть Хебера – сигнал тревоги, если я правильно понимаю суть дела. Это угроза, и я хочу знать, кто и кому угрожает.

Он снова поднимает указательный палец:

– Простите...

Потом улыбается и исчезает в коридоре.

Я смотрю на стул для посетителей. Потом встаю, обхожу стол, присаживаюсь, стараясь представить себя на месте Гофмана. Он прав, сиденье ужасно неудобное. Некоторое время я сижу, пялюсь на свой собственный, за столом.

Can't think of anything to think...

* * *

– Я... э-э-э...

Поднимаю голову – в дверях стоит Бирк.

– Что ты делаешь? – Он проходит в кабинет и закрывает за собой дверь. – С какой стати ты туда уселся?

– Я... сам не знаю.

Бирк устраивается за моим столом. Я пытаюсь представить свою голову изнутри: сплошной туман и ни единого просвета.

– Какого черта ты вообще здесь расселся? – бормочет он и трогает болты под сиденьем, словно пытается подкорректировать положение спинки.

– Мне нужно время, чтобы сориентироваться в ситуации, – говорю я.

– И поэтому ты расселся здесь, как старый пень?

Мой мобильник вибрирует: сообщение от Сэм.

Предлагаю встретиться завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.